

Недетские
ИГРЫ

Мария Высоцкая

Мария Высоцкая

Недетские игры

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68617062

SelfPub; 2022

Аннотация

Оля вернулась в родной город спустя два года. Здесь ей разбили сердце, унизили. Здесь ее любимый мужчина женился на другой. Кирилл был помешан на ней еще со школы, несмотря на то, что она всегда была девушкой его брата. Наглый, дерзкий, абсолютно не вписывающийся в ее спокойную жизнь. Кто он? Еще один палач или же любовь всей жизни?

Содержание

1	4
2	16
3	24
4	33
5	46
6	58
7	69
8	78
9	95
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Мария Высоцкая

Недетские игры

1

«—Такими темпами девочка брата может стать твоей нынешней.

— Я бы сказал, уже стала. Просто пока об этом не знает...» (с.) Кирилл

— Кирилл? — чьи-то пальцы цепляются за рубашку. Дергаю рукой, чтобы отцепилась.

Спешу. Целый день сегодня спешу. Бросаю взгляд на бар, от него — на выступы у стен. Туда, где расположены столы. Панкратов уже меня ждет.

— Ты? — женский голос сбоку не затихает. Прорывается через волну баса. Поворачиваю голову, слегка притормаживая.

Бегло сканирую взглядом знакомое лицо. Скорее, наизусть выученное. Глаза, которые снились мне много ночей подряд. Губы, что миллион раз говорили нет.

— Здравствуй, Оля, — теперь уже жалею, что избавился от ее прикосновений.

Она улыбается. Сама смотрит при этом ошарашенно, и чего тогда дергала вообще? Раньше я что-то не замечал такого

радуший. Она вечно от меня шарахалась.

– Странно, – закусывает губу, – вернуться и сразу встретить в этом городе тебя, – проводит ладошками по бедрам, на которых как влитая сидит черная кожаная юбка.

– Согласен, здесь слишком тесно.

Расстегиваю еще пару пуговиц на рубашке. С ее появлением стало сразу как-то душно.

– Как твои дела?

– В пределах нормы. Хорошо выглядишь. Красивая.

Она вздрагивает и краснеет. Волосы зачем-то поправляет, и так лежат идеально. Взгляд конечно же отводит. Нервничает?

– Спасибо, – начинает тараторить, – я пойду, меня там ждут, – взмахивает рукой в сторону танцпола. – Я просто поздороваться, и...

– Не задерживаю. – Сам, блин, спешу. Хотя... – Ты, кстати, насовсем или проездом?

– Проездом. Решила сменить обстановку и пожить тут пару месяцев.

– Ну, удачи.

Она кивает и, круто развернувшись, ускользает в толпу. Несколько секунд смотрю ей в спину и, спохватившись, иду к столу.

Руку Андрюхе пожимаю на автомате. Сам все еще наблюдаю за Олькой. Она тормозит у такого же столика, чуть подалее от нас.

– Ты ее знаешь? – Панкратов косится на Грицай. Пока та продолжает хохотать со своими подружками. Ту, которая темненькая, я помню, сейчас у нее муж и семеро по лавкам. Деваха тройню разом пару лет назад родила.

Нехотя отвожу взгляд от Ольки. А он сам так туда и клеится. Зараза.

– Невеста моего брата, – бросаю сквозь пелену разыгравшегося воображения. – Бывшая.

На секунды представляю, что, выйдя на танцпол, задом эта мадам будет вертеть для меня.

– Серьезно?

– На нее у меня свои планы, – с прищуром осматриваю толпу, в которую занырнули подружки. Сама подошла. Я ее не просил. Теперь уж извини.

– О чем мы? По твоему вопросу.

– Жену нужно найти, Кир. По моим данным, она у вас в городе где-то притаилась.

– Найдем, Андрей Владимирович, ты не переживай. Завтра ребятам удочку закину. Только благодарность не помещает.

– С этим не вопрос. Любой труд должен быть оплачен.

Откидываюсь в кресло, продолжая наблюдать за покачивающимися в такт музыке бедрами. Ну и их хозяйкой, соответственно. Олька ни капли не изменилась, как смахивала на школьницу в свои двадцать, так и смахивает. И пять лет разницы не сыграли.

– Такими темпами девочка брата может стать твоей. Бывшая девочка.

Андрюха скалится.

– Я бы сказал, уже стала. Просто пока об этом не знает, – улыбаюсь.

– Да все куда прозаичнее, я смотрю.

– В точку.

Бросаю взгляд на часы.

– Я тебе завтра отзвонюсь, как только, так сразу.

– Понял тебя. У меня еще дела.

– Не задерживаю.

Панкратов уходит, и мой взгляд снова возвращается к Грицай. Вообще, лучше бы мне отсюда свалить, потому что, зная себя, могу как-то слишком быстро натворить фигни.

Но взгляд-то цепляется. Олька цепляет. Еще со школы. Зараза.

Сколько я ее не видел? Года два? С Олега свадьбы – точно.

Меня отец сразу после вручения аттестата в сапоги засунул. Уму разуму хотел научить. Все пытался выбить дурь. Мотивирующие фразы «посмотри на старшего брата» не сработали.

Я когда вернулся, Грицай с Олегом уже жить вместе стала. Он ей предложение сделал. Невеста, блин. Женился потом правда на другой. Но это мелочи.

И в семье, все, как один: старший молодец, с серьёзными намерениями и в работе, и в личной жизни, а ты Кирюша

потаскун. Баб как перчатки меняешь.

А как их не менять, если та которая могла бы стать единственной, нос воротит и в упор не замечает?

Она же от меня, как от прокаженного шарахалась. Как потом выяснилось она от всех мужиков шарахалась. Мой братец ей все мозги набекрень совей «любовью» свернул. Оля за ним как привязанная ходила, юбки выше колена не носила и губы не красила, потому что Олежа против был. И волосы на башке вечно зализывала, чтобы сверху в хвост собрать.

Я пару раз пытался до нее достучаться, но ничего кроме истерики и того, что я чмо бессердечное, которое в отношении лезет о себе не слышал.

Бабы все же дуры. Где сейчас то твой Олежа?

На секунду от нее отрываюсь. А когда голову вбок поворачиваю, замечаю маски-шоу. Вот сейчас точно жара начнется.

Рывком поднимаюсь с кресла и наперерез толпе бросаюсь к Грицай.

Она непонимающе запрокидывает голову, что-то возмущенно говорит. Не слышу.

Зато вот музыка вырубается. По команде почти.

– ...наркоконтроль... – басит голос из рупора.

Весело.

Вытягиваю Ольку из толпы, прежде чем основная масса обдолбышей начинает соображать, что происходит.

Отталкиваю Грицай к столу. Там платформа.

– На выступ ложись. Чтоб не затоптали, – давлю ладонью

ей между лопаток.

Она часто кивает и делает точно, как я говорю. Подружки ее быстро спохватываются и следуют Олькиному примеру.

Сам тоже ложусь мордой в пол, но перед этим достаю ксиву и в развернутом виде зажимаю в правой руке.

Кто есть кто, потом разбираться будут.

– Бушманов, ты че здесь забыл?

– Отдохнуть решил, – забираю ксиву. – С девочкой своей, – киваю на Ольку, и та тушует. – А тут вы, кайфоломы.

Отряхиваю джинсы, пару раз провожу ладонью по футболке. Глаза режет от белого света. После полумрака и стробоскопов сейчас и фонарик на зажигалке ярким покажется.

– Работа такая. Ладно, вали давай.

– Благодарствую, – пожимаю капитану руку. Мужики чисто сработали, явно по наводке. За хозяином клуба давно шлейф из дерьмища тянется. – Пошли, – уже Ольке.

Грицай стоит как потеряшка. Только глазами хлопает. А глаза у нее мама не горюй. Яркие. Синие, как море в шторм. Смотришь и чувствуешь себя тем самым матерящимся моряком. Ну, видели эти видео, где они в полную опух попадают, когда воду на палубу забрасывает? Апокалиптичненько.

Я когда зеленый совсем был, уже на Ольку слюни пускал. Но старался держаться в стороне. Девочка брата – табу.

Да и Грицай, никого в то время кроме своего ненаглядного не видела. Гордилась что Олег ее старше. Никому не верила. Все враги были – потому что такую любовь очерняют.

Ну вот зачем она вернулась?

Лучше б сидела, где она там была? Не важно. Лучше бы не возвращалась.

– Пошли, – повторяюсь, с первого раза явно не услышала.

– А... – открывает рот, как рыба, губами хлопает, а звуков больше не вылетает. Только по дернувшейся в сторону подружек голове соображаю, чего хочет.

– Подружки тоже. Такси сейчас вызову, – достаю мобильник.

– Бушманов, ты, что ли? – голосит Ритка. Та еще девочка. Ни одного мужика не пропустит. Никогда не пойму этого их трио. Заучка, многодетная мать и Маргарита, блин.

Сканирую размалеванный фейс, по привычке спускаясь взглядом ниже. Декольте – зачет.

– Я, Макарова, я, топай давай.

Боковым зрением замечаю притаившееся на другой стороне дороги такси и взмахиваю рукой. Если чувак свободен, заморачиваться с вызовом машины не придется.

– Я слышала, ты мент, – не унимается Макарова.

– Я про тебя тоже много разного слышал.

Ритка закатывает глаза и плюхается на сиденье подъехавшего «Соляриса».

– Черт!

– Что там, Карин? – Оляка, наконец, отмирает после маски-шоу.

– Тут кресло детское. Боже, кажется, вся эта малышовая

атрибутика меня просто преследует.

– Я его сейчас в багажник кину, – спохватывается водитель.

– Не кипишуй, – даю отмашку, и водила притормаживает. – Третью я сам подброшу. – Поворачиваюсь к Ольке: – Тебе куда? В гостиницу или у кого-то из них остановилась? – киваю в сторону тачки.

– Меня на Ленина. Я там квартиру сняла.

– Понял. Пошли.

– А девочки...

– Сами доедут.

Тяну ее за руку, пока Грицай окончательно не вышла из ступора.

– Прыгай, – открываю дверь «Финика» и подаю Ольке руку.

Она мой жест игнорит. Забирается в салон своими силами. Ну не хочешь, как хочешь. Огибаю капот и сажусь за руль.

На улице пусто. Встречных машин почти нет.

Бросаю взгляд на Ольку. Она уже успела снять туфли и подтянуть колени к груди. Затылком плотно прижалась к подголовнику. Глаза прикрыты.

– Ты там живая? – будто невзначай задеваю ее ногу. Пальцы неожиданно покалывает. Спокойно, лейтенант. Без рук давай.

Грицай же только головой мотает.

– У тебя обезболивающей таблетки, случайно, нет? – растягивает слова, несколько раз легонько вколачиваясь затылком в подголовник.

У меня-то есть, но вряд ли мы с тобой, Оленька, про одни и те же средства говорим. С моими все куда проще. В коечку, а сверху или снизу, разницы уже нет. Но то, что голова враз пройдет, – факт.

Вслух я, конечно, озвучиваю другое:

– Уже похмелье?

– Шутник. Мозг сейчас лопнет, – трет виски. – Сходила, блин, в клуб.

– Таблетки нет, но могу притормозить у аптеки.

– Если не трудно, пожалуйста.

– Да без проблем. Ты чего вообще в город вернулась?

– По родным краям соскучилась, – хмыкает.

– Это бывает.

– А ты чего вообще меня проводить вызвался? С братом своим конфликта не будет?

Спрашивает, а сама глаза отводит. Вот мы и добрались до самой интересной темы. Всплыл Олежа, как дерьмо в проруби.

Грицай почему из города-то пару лет назад сбежала? Потому что Олег женился.

Она с ним семь лет была, а он все это время, еще с половиной города мутил. Девочек менял как перчатки. А этой – лапшу на уши вешал. Потом одна из его мадамок залетела,

пришлось жениться. У девчонки отец со связями оказался, рыпаться было поздно.

Да и Олег по стопам папы нашего пойти хотел. В адвокаты. Репутацию подмачивать не велено было. Все всех устраивало. И партия более выигрышная и сразу статус серьезного женатого человека. Таким в определенных кругах проще.

– Мы нечасто пересекаемся.

– М-м-м, а такая семья крепкая была.

– У всего есть срок годности, – пожимаю плечами и прижимаюсь к обочине. По правую сторону зеленым мигает вывеска «Аптека». – Взять чего?

– Я сама.

– Да сиди ты уже. Что брать?

Олька диктует пару названий на случай, если чего-то определенного не окажется.

Улыбаюсь симпатичной девчонке-фармацевту и забираю таблетки. На улице делаю вдох поглубже. В груди отдает жаром. Ночка, конечно, та еще выдалась. А завтра, между прочим, на сутки.

По-хорошему, давно пора десятый сон видеть, а я тут по аптекам шляюсь. Девочек-припевочек по домам развожу.

– Держи, – всучиваю ей полиэтиленовый пакет.

– Спасибо. Ты настоящий человек.

– Не, человек я так себе, – не без ухмылки. – Что там по адресу-то?

– А, сто пятьдесят седьмой дом.

Минут через пять притормаживаю по знакомому адресу. Я бы даже сказал родному.. Грицай тянется к ручке двери. На автомате дергаю лямку ремня, которым она до сих пор пристегнута. Рукой упираюсь в сиденье между стройных ног, обтянутых черным капроном.

Олька вздрагивает. Глаза округляются. Расстояние между нашими лицами сантиметра три, не больше.

– Ты что делаешь?

– А ты что делаешь, когда к незнакомым в тачки прыгаешь?

– Я тебя знаю.

– И не видела пять лет. Я мог измениться.

– Ты же мент... – Видимо, вспоминает слова Макаровой.

– С чего вдруг?

– Но...

ТушуетсЯ. Глаза бегают. Губы чуть приоткрыты. Манят. Однозначно манят.

– Не смешно, Кирилл, – дергает ручку и отталкивает дверь. Салон наполняется прохладным воздухом и запахом скошенной травы. Последние августовские ночи.

– Пригласишь? – красноречиво смотрю на подъезд.

– Обойдешься, Бушманов.

– Злая ты, Ольга, недобрая. Я ее полночи катаю, а она даже чаю не предложила.

– Что-то я сильно сомневаюсь, что ты на чай напрашиваешься.

– Или на кофе, – подмигиваю.

– Ой, иди ты! – смеется. – Спасибо, что подвез. Но мне уже пора.

Отталкивает меня, упираясь ладонями в плечи. Отщелкивает ремень безопасности.

– А как же поцелуй за спасение принцессы?

Грицай прищуривается, касается губами кончиков своих пальцев и заряжает ими мне в лоб.

– Спасибо, Кирюша.

– Номерок-то хоть оставишь?

– Не-а.

«Я себя последние пару лет по частям собирала. Какие мне отношения?»

Пока ищу в сумке ключи, спиной чувствую, что Бушманов на меня смотрит. Надоедливый брелок цепляется за цепочку на внешнем карманчике кросс-боди и летит на асфальт. Ключи брякают где-то внизу, плашмя ложась на неровное покрытие.

– Далеко собралась?

Раздается совсем близко. Неожиданно, даже дернуться хочется. Но я стою с выпрямленной спиной. Только пиджак поправляю. Запахиваю на груди, чтобы не светить треугольным декольте шифоновой майки.

Оборачиваюсь, и брови, весело подпрыгнув, сходятся на переносице от удивления. А еще от близости. Кирилл прямо передо мной. Пара сантиметров между нами. Пусть отойдет. Пусть сделает шаг назад.

– Босиком, – он смотрит на мои ноги с ярко-розовым гелем на пальцах.

Да, действительно, я без обуви.

– Держи, – протягивает босоножки, которые я мгновенно прижимаю к груди как что-то очень ценное.

Они ведь так и остались на коврике в его машине, когда

я выбежала.

Так эпично хотела уйти. По носу практически его щелкнула. А теперь...

– Спасибо.

Черт! Насколько нелепо я сейчас выгляжу? Так торопиться, что выбежать на улицу босиком и даже этого не почувствовать.

Этот город сводит меня с ума.

– Будешь должна.

И снова эта ухмылка. Подбираюсь. Нужно поднять ключи. Да.

Правда, даже в этом он меня опережает, наклоняется и сжимает в кулак брелок.

Легкий ветерок подхватывает мои волосы, а еще приносит с собой запах мужской туалетной воды. Что-то свежее. Очень приятное.

Волоски на руках встают дыбом.

– Кажется, это тоже твое, – Кирилл вытягивает указательный палец, на котором висят мои ключи.

– Спасибо, –ставляю руку, чтобы забрать.

Бушманов поднимает руку выше. Дразнит?

Хочется ругнуться, правда, сделать этого не успеваю. Меня отвлекает подмигнувшая габаритами машина. Бушманов пикает сигнализацией. Это движение настораживает. Не то чтобы я чувствую угрозу...

– Ты закрыл машину?

Кивает.

– Я тебя не приглашаю, – в подтверждение своих слов верчу головой. Отрицаю. Да. Я не приглашала и не приглашу.

– Я живу в соседнем доме. Вообще-то.

А вот это удивительно. Я думала, что его отец давно подсутился и приобрел Кириллу квартиру в каком-нибудь приличном районе.

– Что? Ты серьезно?

– Серьезно. Даже удивительно, что ни разу тебя не видел. Ты давно приехала?

– Неделю назад.

Конечно, не видел, я все эти дни с утра пораньше к родителям за город моталась, а возвращалась за полночь.

Магнитный замок срабатывает моментально. Кирилл открывает мне дверь, упираясь ребром ладони в металлическое покрытие.

Вроде и внутрь зайти приглашает, а вроде и дорогу перегородивает своим жестом. Отчасти.

– Спокойной ночи?! – чуть прищуривается и наконец отдает ключи. Вкладывает в ладошку, слегка надавливая на пальцы, чтобы сжать те в кулак.

На секунды зажмуриваюсь. Все это кажется каким-то бредом. Очень странным стечением обстоятельств, которые мне совсем не нравятся. Нужно поскорее уйти.

– А, да. Пока.

Просачиваюсь в подъезд. Спокойно, Оля. Нужно о немно-

го отдышаться.

Ну вот зачем? Зачем я вообще к нему подошла? Мало мне было проблем в этом городе? Просто увидела знакомое лицо, и само оно получилось...

Я же хотела быть легкой, без загонов, вот и подошла. Просто поздороваться, мы же и правда знакомы были. Это ведь нормально? Люди так и делают. Не смотря на разные заморочки.

А теперь он еще и живет по соседству. Сказка просто!

Дура. Какая дура!

А у самой кожу покалывает там, где он прикасался. Это не от чувств. Вовсе нет. Это потому, что два года без какой-либо близости.

Я себя последние пару лет по частям собирала. Какие мне отношения?

Закрываю глаза и до сих пор иногда вижу ее белое платье. Такое ослепляющее. А рядом Олег. В черном костюме, так презрительно на меня смотрит. Как на грязь. И плевать, что мы с ним почти семь лет вместе были. Карьера важнее. Статус...

Настолько мерзко. Но еще ужаснее, что он мне лично приглашение на свою свадьбу вручил. Думал еще сильнее унижить, видимо. И совершенно не ожидал, что я приду. Там всех гостей, кто со мной знаком был, – передернуло. Я сама себя еще больше в грязь этим походом окунула. Мордой в самое дерьмо...

Главное – дышать.

Вдох-выдох.

Оля, соберись!

Ты это пережила. Уже давно все это пережила.

Подхожу к окну на кухне, оно как раз выходит во двор. Машина Кирилла стоит там, где он ее оставил. Значит, не наврал. Действительно поблизости живет.

Он меня так рассматривал в этом чертовом клубе, а потом в машине. Он смотрит, а у меня табун мурашек по коже. Неуютно. Не люблю, когда так пристально смотрят. Изучают.

Хотя взгляд у него такой был, будто он меня с закрытыми глазами нарисовать может. А сейчас просто убеждается, каждая ли родинка на месте.

Я же за все время нашего сегодняшнего общения едва вспомнила, какой у него цвет глаз. Карие. Уже у подъезда убедилась. Первый раз за вечер, потому что нормально на него взглянула.

Он изменился. Мы года два е, наверное, не виделись. Последний раз на Олега свадьбе столкнулись, он хотел меня успокоить, я его послала и убежала. Зачем мне его утешения?

Нет уж.

А сейчас? Сейчас он Олегу расскажет, что меня видел?

Где-то глубоко внутри во мне скулит раненая девочка, которая желает, чтобы Олег узнал. Чтобы увидел, какой я стала. Пожалел.

С другой стороны, мне это не нужно, потому что у меня гордость, а у Олега семья. Потому что я выросла морально. Стала...

Кем я стала? Замороченной девицей, которой разве что удалось вырваться из зависимости дерьмовых отношений.

И то, судя по последним мыслям, уже не точно.

Набираю в кружку воды и снова подхожу к окну.

Машина Кирилла весело подмигивает габаритами. Я в этот момент прилипаю к стеклу.

Макушка Бушманова показывается спустя минуту. Он садится в тачку и уезжает.

Наврал, что здесь живет.

Зачем он вообще меня домой повез? И зачем я согласилась? Не нужно было.

Хотя, если бы не Кирилл, мы бы, возможно, провели эту ночь в обезьяннике. Кто знает, зачем в этот клуб полиция приезжала.

Выбрала Ритка местечко, блин. Развеялись.

– Оль, это ты?

В кухне зажигается свет. Оборачиваюсь на заспанную Еську, свою двоюродную сестру. По стечению обстоятельств мы почти одновременно в этот город приехали. Решили объединить усилия в налаживании жизни. Она от мужа ушла. Он ей изменил, а теперь ищет... Она прячется. Даже вон волосы свои рыжие под каре обстригла и, когда с дочкой гулять ходит, парик черный надевает.

Конспирация. Потому что, если он ее найдет... В общем, сестра думает, что Андрей, муж ее, отберет ребенка.

И это двадцать первый век на дворе.

– Я. Прости, что разбудила, – касаюсь Есиного плеча, а у самой в голове один вопрос: Кирилл, что и правда ко мне подкатывал?

– Все нормально, я думала, ты под утро вернешься.

– Вечер с подружками в клубе вышел из-под контроля. Может, чаю попьем?

Нет, наверно, мне все же показалось. Хотя...я что, забыла кто такой Кирилл? Он же ни одной юбки не пропустит, со всеми себя так ведет. Я исключением не стала.

На автомате вытаскиваю пачку чая и закидываю в кружки по пакетику. Мельком смотрю на сестру. Не одна я этой ночью в раздразе.

Мы перебрасываемся парой фраз, хотя по факту каждая летает в своих мыслях.

–... ты знаешь, мне сегодня очень нужно на пару часов будет отъехать в магазин, памперсы заканчиваются, и в аптеку забежать нужно, без Майи. Ты не могла бы с ней посидеть? Я очень быстро вернусь, – улавливаю ее просьбу.

– Хорошо, только оставь все инструкции в письменном виде, чтобы я тебя не дергала.

Посидеть с ребенком, которому чуть больше месяца – страшно. Но пообещала я раньше, чем осознана на что согласилась. Оказывать, теперь, не удобно.

Хотя, мне всегда было неудобно отказывать. Человек же обидится.

Отец до сих пор говорит, что я слишком мягкая. Сказать «нет» для меня проблема.

Хотя вон, Бушманову же отказала. Может быть стоит засчитать себе балл за смелость?

*«Наличие у нее ребенка для меня что-то меняет?
Ответить сложно, честно говоря». Кирилл*

– Бушманов, ты вконец оборзел, – подполковник продирается сквозь клубы дыма к окну нашего кабинета, демонстративно зажимая нос. С недавних пор бросает курить. Весь отдел с ним за компанию. На добровольно-принудительных началах.

Пацаны надымили и свалили. Меня под утро вырубило. Не проветрил.

– Больше такого не повторится, товарищ подполковник, – ловлю зевок в кулак, обшаривая кабинет взглядом.

Спать хочется адски.

Сначала полночи с Грицай возился, потом друг позвонил, встал на трассе перед въездом в город, пришлось ехать помогать. В квартиру не возвращался, на работу сразу проскочил. Потому что, пока мотаюсь туда-сюда, все оставшиеся законные три часа сна испарятся.

– Кир, там по оперативке Кабанова сдали. Надо ехать брать, – Жора вваливается в кабинет, как нажравшийся медведь. Кубарем и с громким ревом. – Доброе утро, товарищ подполковник, – замечает Самсонова. Тот продолжает тусоваться у окна. Драцену бы хоть тогда полил, что ли. А то она

так скоро сдохнет.

– Ветров, что за внешний вид? – подполковник переключается на Жору.

– Я только с трупа.

– Вот в наше время...

– Товарищ подполковник, уйдет же.

Самсонов заводит руки за спину и со словами: «Доложишь мне лично» – сваливает к себе.

Сдергиваю со спинки стула куртку и подталкиваю Ветрова на выход.

– На твоей? Моей? – спрашиваю, хотя сам уже сажусь за руль.

В нос ударяет запах Олькиных духов. Что-то совершенно не сладкое, но стойкое. Необычный аромат. Как и она сама. Честно говоря, думал, что давно уже перегорело, а только увидел ночью, и опять понесло. Перетряхнуло даже. Чертово дежавю. Перед глазами все еще ее заплаканное, но такое красивое лицо...

По адресу приезжаем не одни. Видимо, наш кабанчик просек, что его спалили, и вызвал подмогу. Правда, чисто юридическую.

– Это брательника твоего, что ли, тачка?

Ветров выходит на улицу, закладывая руки за голову. Делает несколько рывков локтями.

– Его, – смотрю на белоснежного немца с прибалтийскими

ми номерами.

– Чувствую, будет весело.

– Обхохочешься. Ладно, пошли. Уверен, Олежа сейчас нам какой-нибудь бумажкой в морду ткнет и поедем мы обратно...

– Вечно проблемы с этими мажорами...

С ухмылкой смотрю на Жору. Я, когда в отдел пришел, каждая собака знала, чей я сын. Поэтому приемчик был так себе, если честно. Ветров вон больше и дольше всех тявкал, пока не дошло, что мой отец палец о палец не ударит, чтобы как-то мне помочь по службе.

Подъездная дверь открывается. Олег выходит первым. За ним Кабанов. Местный поставщик «радостей», по совместительству сынок окружной шишки.

Брат не мешкает. Сразу отдает Ветрову какие-то бумажки. Пока Жора догоняет, что к чему, во двор въезжает прокурорская тачка. В нее Кабанова и грузят.

Ну, чего-то подобного и следовало ожидать. Теперь данное дело вне нашей компетенции и должностных полномочий.

– Учись, как работать надо, папин сын, – ржет Жора, – тебе тридцача через пару лет, а ты все еще летёха*. А брат вон – конторку адвокатскую открыл, напрямую с прокурорскими дела решает, важный человек, говорят.

– Нагло врут, – ухмыляюсь. – Он у нас просто идеальный сын, – смотрю на Олега, пока тот копошится у тачки. Ботин-

ки влажными салфетками натирает.

– Сильно запылились, видимо, – комментирует Ветров. – Так он бы по привычке, языком.

– Уймись уже, – закатываю глаза.

С братом у меня отношения натянутые. Мы встречаемся сугубо на семейных застольях пару раз в год. Теперь вот еще и по работе изредка пересекаемся.

– Бахилы в следующий раз надевай, – облакачиваюсь на капот бэхи.

– Отличная идея, – безглаголиво косится на переполненную мусором урну и бросает салфетки прямо на дорогу. Поправляет пиджак. На улице сегодня градусов двадцать пять. Поджариться в таком прикиде можно.

– Вы с другом немного опоздали, – смотрит на Ветрова. – Мне очень жаль, – лыбится, как мартовский кот.

– Мы особо и не спешили.

– Да, точно, работа за такую зарплату предполагает нерасторопность. Забыл, – ухмыляется. – Эта та, что на восемнадцатилетие тебе родители дарили? – пялится на мою тачку.

– Проблем со зрением у тебя нет. Она.

– Ценный подарок во взрослую жизнь. А главное – долголетний. Сам ты себе уже ни на какую не заработаешь.

– Только почему это так задевает тебя? – приподнимаю бровь. Олег сноб, каких поискать. Я все его подколки наизусть знаю. С фантазией у чувака всегда были проблемы.

– Захочешь что-то изменить, звони, возьму к себе на ра-

боту. Мне в суд пора, – смотрит на часы. – Не прощаюсь.

А я с тобой иногда так бы и попрощался. Жаль, рукоприкладство в нашей семье не одобряют. Хотя Олеже фейс подправить не помешает.

– Мы едем или...

– Едем, – прохожу мимо Ветрова.

Встречи с братом всегда бодрят. Он же у нас гордость. Батя его везде, где смог, спротежировал. На каждом семейном застолье только что в ноги ему не падает. Гордится. На меня же до сих пор в обиде. Не то дело я выбрал, по его мнению. Не то.

– Кстати, одному моему другу нужна помощь. Ты все равно еще в отдел зайдешь. Маякни нашим, что девочку надо найти, – показываю фотку на телефоне. – Ща перекину.

– Красивая.

– Дело неофициальное, но хорошо оплачиваемое.

– С этого и надо было начинать. Если она здесь, то найдем. Где-то должна была засветиться. Дело непыльное, а деньги лишними не бывают.

Высаживаю Жору рядом с ОВД. Сам заезжаю в бургерную на соседней улице.

Ставлю бумажный пакет на пассажирское. В глаза бросается серебристый блик на коврике там же.

Тянусь вниз, через седушку и поддеваю на палец браслет в виде гвоздя.

А вот это уже интересно.

Ох, Оля... Оля... ещё вчера обратил внимание на эту штуку у неё на левом запястье.

Время у нас как раз обеденное. Можно и домой заехать. Живем мы теперь рядом...

Припарковываюсь прямо перед подъездом, что большая удача. Чаще всего тачку приходится бросать в любом свободном углу. Иногда этот угол даже на соседний двор распространяется.

Днем попроще.

Засовываю браслет в карман. Пару секунд смотрю на пакет с едой. Ладно, потом.

На лавке у Олькиного подъезда замечаю баб Зою. Местная старушка энкавэдэшница. Все и про всех знает.

– Здравсьте, – убираю руки в карманы. – Баб Зой, у вас тут девушка поселилась недавно...

– Олька, что ли? А тебе зачем?

– По работе.

– Опять путана, – бабка плюется и активно трясет головой. – А я ее сразу заметила.

– Че сразу путана-то?

– А кто? Заехали вдвоем. Ребенок каждую ночь орет. Совесть бы хоть поимели. А то шляются черт-те где, а этот там надрывается.

– Ребенок?

А вот это уже интересно.

– Так вон, идет с коляской.

Оборачиваюсь. Грицай и правда чешет в сторону соседнего дома с коляской. На ней футболка и шорты. Короткие шорты, что важно. Залипаю на загорелых ножках, забывая о существовании зудящей бабы Зои.

– Ты у них документы-то проверь, – не унимается бабка. – А то понаедут.

– Это к участковому, – сжимаю в кармане Олькин браслет. К Грицай подхожу со спины.

– О-о-оль.

– Кирилл? Неожиданно... – притормаживает. – Ты что-то хотел?

– Да так, – все еще сжимаю побракушку в кармане. Желание вернуть пропадает. Точнее, внутренний голос твердит его отсрочить.

– Твой? – киваю на коляску.

– Мой.

– Seriously? – дурацкая улыбка на лице вырисовывается сама. Не успеваю себя сконтролировать.

– А ты думал, зачем я вернулась? Вот, – смотрит на коляску, – нагуляла, и под родительское крыло.

– Ты к себе слишком критична.

Оля пару секунд смотрит мне в глаза. Внимательно. Поправляет воротничок поло, нервно поджимая губы.

Наличие у нее ребенка для меня что-то меняет? Ответить сложно, честно говоря.

– Я пошутила, – отводит взгляд. – Это сестры. А вот и она, – взмахивает рукой приближающейся к нам девушке. Короткостриженная брюнетка.

– Оль, я все. Майю кормить нужно. Здравствуйте, – бегло смотрит в мою сторону.

– Хорошо. А, Есь, я ей молоко перед прогулкой давала, – спохватывается Грицай. – Она потом икала...

– Это бывает, не переживай. Ладно, мы пойдем, – надавливает на ручку коляски, – не будем вам мешать.

Пока они выясняют, кто, куда и с кем пойдет, успеваю достать телефон. Быстро глянуть фотку жены Панкратова. Один в один, только не рыжая. Конспирируется, видимо.

– Это не то, что ты... – Оля осекается. Снова смотрит на меня. – У тебя что-то срочное?

Чувство такое, что она вот-вот сквозь землю провалится.

– Да так, увидел, подошел поздороваться. Редкое имя.

– Что?

– У сестры редкое имя. Полностью как? Есения, да?

– Ага. Губу только закатай, она замужем.

– Я и не претендую. Не надо ревновать.

– Боже, Бушманов, что за дешевые подкаты? – Олька вспыхивает. Краснеет.

– Никаких подкатов. Сугубо деловые отношения.

– Я спешу. У меня еще собеседование сегодня.

– А поцелуй на прощание?

– Обойдешься, – снова тушуетсся и, круто развернувшись,

убыстряется в сторону остановки. Оля, Оля...

Так, про Олю потом. Нужно с нашей «не рыжей» сестрой разобраться.

Есения, значит. И дочка Майя.

Достаю мобильник и набираю номер Андрюхи.

– Здорово. У тебя ребенка как зовут?

– Майя.

– Ты еще в городе?

– Да.

– Значит, можешь себя поздравить и выезжать вот на этот адрес, – скидываю геолокацию. – Они здесь.

* лейтенант

"...ждала, как собака на привязи.

Сидела дома с тапками в зубах и, виляя хвостом, встречала его среди ночи". Оля

– Спасибо, до свидания, – закрываю за собой дверь душевого кабинета.

Вся спина взмокла. Даже рубашка прилипла к спине. Следы вон остались, кручусь у зеркала в туалете бизнес-центра. Прекрасно. И как теперь в таком виде по улице идти? Вся в крапинку, как божья коровка. Даже рожки есть, двухгодичной давности, правда.

Ладно, может быть, там начнется дождь и никто уже ничего не заметит.

Крутанув дверь-вертушку, установленную на центральном входе, выхожу на воздух. Конечно, хотелось бы найти работу побыстрее.

С финансами сейчас совсем не гладко. Из Питера я сорвалась спонтанно. С работы ушла без двух недель отработки. Денег мне только за полмесяца заплатили.

С одной стороны, ехала на помощь маме, которая теперь помогает адаптироваться отцу после перенесенной операции на сердце. С другой, меня все эти два года изнутри разрыва-

ло от желания все там бросить и вернуться. Потому что, к сожалению, мегаполис встретил без особого энтузиазма. Даже без намека на улыбку, я бы сказала.

Я приехала туда рано утром. Дождливый вторник, с чемоданом в руках и без единой мысли, что буду делать дальше. И, честно говоря, за эти два года так особо и не поняла.

Мыкалась с работы на работу, друзьями не обзавелась. Вечерами сидела в своей съемной комнате, а по выходным исследовала город. Вдоль и поперек его обошла.

Все думала. Никак не могла понять, что же сделала неправильно и почему Олег со мной так поступил. Почему изменял...

И не раз ведь. После того как я узнала о беременности его теперешней жены, всплыло, что и любовница у него не одна была.

Я-то думала, он на выходных с друзьями встречается, а он с девками по гостиницам и ресторанам шляется. А я ждала, как собака на привязи. Сидела дома с тапками в зубах и, виляя хвостом, встречала его среди ночи.

Делаю несколько шагов в сторону остановки, чувствуя, как на лицо падают первые капли дождя. Небо хмурится, над головой стягиваются тучи, а в сумке и намека нет на зонтик. И как-то так тоскливо становится. Серость в небе полностью отражает мое внутреннее состояние. Абсолютная безысходность.

Так хочется кофе. Сворачиваю в торговый центр через до-

рогу. Здесь на втором этаже есть отличная кофейня с божественными круассанами. Помню, что денег немного, но нахлынувшие воспоминания ведут меня к эскалатору. Мы с Риткой два года назад здесь себе вечно лишние килограммы по четвергам наедали. И перекус, и психотерапия. Она мне мозги насчет Олега промывала, а я на нее тогда злилась. Сильно. До скандалов, только вот Макарова оказалась права. Во всем-во всем. И в том, что Олег мной манипулирует, и в том, что сто процентов налево ходит.

Даже смешно, теперь уже кажется, что весь город знал, какой он человек. Все, кроме меня. Я же жила в сказке. Строила планы на будущее, даже платье свадебное себе выбрала, дура.

– Здравствуйте, мне раф на миндальном и мильфей, – делаю заказ на автомате, редко когда решаюсь пробовать что-то новое.

Пока девушка отвлекается на кассу, застываю у витрины с богатым ассортиментом сладостей. Ярко-желтая манговая лиграна, глянцевые донаты, ягодные баркетты и нереально красивые эклеры, глаза просто разбегаются.

– Вам здесь или с собой?

Смотрю в окно. Дождь усилился.

– Здесь.

– Присаживайтесь, мы принесем ваш заказ.

– Спасибо.

Занимаю место за столиком у окна, спиной к стене. Не

люблю, когда сзади открытое пространство, сразу чувствую себя неуютно.

Достаю из сумки телефон и смотрю непрочитанное сообщение. Даже не услышала, как оно пришло.

Там всего строчка от Еськи.

«Все в порядке, мы помирились с Андреем».

Все понятно, но в то же время непонятно ничего. Но, судя по настрою, вернусь я сегодня уже в пустую квартиру. Может быть, позвонить Ритке и пригласить прогуляться по парку, если дождя не будет?

– Ваш заказ, – парень-официант ставит передо мной кофе и десерт.

Благодарю его и, лишь дождавшись, когда уйдет, звоню Макаровой.

– Ты как раз вовремя, я на обед иду.

– Позже всех?

Время уже к трем.

– Ждала, пока Александров уедет. Я же должна быть лучшим работником, – хохочет.

Ритка работает в фармацевтической компании. Имеет виды на начальника, поэтому вот и старается. Боевой раскрас, приходит на фирму раньше всех, уходит позже. Обеды, видимо, тоже пропускает.

– Так-с, ну а я жду подробностей. Как ты провела эту ночь, крошка? Рассказывай, только не томи. Мне все интересно.

– Спала, – пожимаю плечами, медленно размешивая са-

хар в чашке, и с подозрением кошусь на пирожное. Сегодня глюкозы точно будет в избытке.

– Надеюсь, не одна?

– В смысле?

– Так, я не поняла, – цокает языком, – ты что, Бушманова к себе «на чай» не затащила?

– А должна была?

– Конечно. А как же награда герою вечера?

Ритка говорит эмоционально и часто повышает голос. Вот прям как сейчас.

– Рит...

– Что «Рит»? Отличный клубный вариант, знаешь ли.

Макарова легкая. Немного ветреная. Мужики у нее долго не задерживаются, она живет исключительно в свое удовольствие. Я же второй год тусуюсь в своем болоте и не знаю, как из него выбраться. Пунктик о том, что отношения могут быть только серьезными, а остальное — блуд, никак не отпустит.

– Он меня просто подвез. Мне не нужны отношения. Интрижки тоже, – опережаю ее возмущение. – И если ты не была, он, вообще-то, брат...

– Ой, на одну ночь это явно не проблема. Я бы сказала, маленькая месть.

– Мне некому мстить, я отпустила ситуацию.

– Ой ли?!

– Давай про другое.

– Все ясно с тобой. Ладно, сплшем на акклиматизацию. Как ты смотришь на то, чтобы вечером где-нибудь встретиться? Перетрем Бушманову кости, тому, который Кирюша.

– Рит! – мой всплеск руками сейчас видит, наверное, половина кафе. Сразу становится неудобно, и я ссутуливаюсь.

– Зануда ты, Грицай. Ладно, я еще подумаю над вариантами и перезвоню.

– Ага.

Кладу телефон рядом с чашкой как раз в тот момент, когда в стол упирается чей-то кулак.

Вскидываю взгляд и застываю. Даже, как дышать, забываю. Просто хлопаю глазами, а внутри все замирает. Становится жутко.

Олег же, напротив, спокойно отодвигает стул рядом. Садится. Вытягивает руку с массивным золотым браслетом и забирает мой кофе.

– Все та же дурная привычка – есть слишком много сахара, – морщится. – Привет, Оля. Рад тебя видеть.

– Здравствуй, – выпрямляю спину. Нужно держаться. Подумаешь, подошел. Ничего удивительного, это же Олег, он уверен, что он везде к месту и всегда вовремя.

– Не знал, что ты вернулась.

– Временно, – смотрю на чашку, которой касались его губы. Пальцы покалывает. Когда-то эти грубые губы целовали меня. А заодно и еще дюжину девиц.

– Жаль. У меня сегодня много дел, но, я думаю, мы можем встретиться завтра. Как ты на это смотришь?

У него темные глаза. Почти черные. Радужка, можно сказать, сливается со зрачком. У Кирилла же взгляд теплый. И цвет почти шоколадный. А раньше я на это даже внимания не обращала. На то, какие они разные.

– Не думаю, что у меня будет время, – сглатываю вставший в горле ком. Не хочется сейчас закашляться и выглядеть совсем растяпой.

– Чем-то занята?

– Ищу работу. Временную. Не привыкла сидеть у родителей на шее.

На секунду мне кажется, что я смогу его этим уколоть, но он лишь смеется.

– Ты никогда не была остра на язык. Можешь даже не пытаться, – прищуривается. – Моя визитка. Позвони, если передумаешь и захочешь встретиться. А ты передумаешь, – подмигивает и нахально сжимает мою руку.

Я даже сориентироваться не успеваю. Просто дергаюсь от неожиданности.

– Не прощаюсь.

Олег поднимается и идет на выход.

Смотрю ему в спину, а в ушах шум. Такой противный писк, а еще сердце колотится. Сильно-сильно. Прижимаю ладонь к груди, словно это поможет наладить его ритм.

Домой иду пешком. Под дождем. Дрожу.

Черт его знает, может, от холодных капель, что стекают по лицу ручейками, а может, и от встречи с Олегом.

Я ведь иначе этот день представляла. Хотела быть королевой. Показать ему, что стала сильной и он больше мне неинтересен. На деле же просто паялилась на него во все глаза, пока внутри все сжималось от едкой, разъедающей внутренней боли.

Обида. Она так и не исчезла. Наверное, прошло слишком мало времени...

Он бросил меня в такой же летний день. Ничем не примечательный. Просто приехал, собрал вещи и, ничего не объяснив, вышел за дверь. Я звонила ему всю ночь и весь следующий день. Трубку он так и не взял.

А потом, на работе, ко мне подошла девушка. Она пересекалась с ним по судебным делам. Посочувствовала. Мол, как жаль, что у вас все так получилось.

Как, я еще не знала. Эта новость свалилась на меня ближе к ночи. Ритка скинула фотку из инстаграма его будущей жены. Та хвасталась кольцом. На первом плане Вера, демонстрирующая изящные пальцы с огромным бриллиантом на безымянном, а на втором – Олег. Счастливый. На лице улыбка. Я до сих пор досконально это фото помню. Оно много дней стояло у меня перед глазами.

Все это было похоже на какую-то странную шутку. Розыгрыш. Потому что – разве так бывает?

Семь лет отношений, после которых человек просто берет и уходит. Даже не объясняется.

Дождь усиливается. Обхватываю плечи руками и наступаю в лужу. Брызги долетают до колен, пока вода медленно просачивается в обувь. Если пару часов назад я смахивала на божью коровку, то сейчас точно на бомжа. Грязная, мокрая, с опухшим от слез лицом.

Сворачиваю во двор. Знаю, что меня ждет пустая квартира. И это пугает. Снова остаться одной. Сидеть в четырех стенах и осознавать, что моя жизнь ничтожна, а сама я – жалкая размазня, перспектива так себе, если честно.

Пока ищу в сумке ключи, роняю все ее содержимое на землю. Хочется закричать, а лучше оставить все это барахло тут. Плевать уже. Пусть этот день просто закончится.

Подбираю вещи с асфальта и наконец-то проскальзываю в подъезд. Тело мгновенно обдает теплом. Ступеньки, ступеньки. Дверь квартиры и тишина. Закрываюсь на защелку и сползаю по стеночке на пол.

Снова плачу. Не потому, что до сих пор люблю его, нет.

Просто слишком больно принимать тот факт, что он счастлив, а моя жизнь разваливается. Прошло два года. Это же так много! Целых двадцать четыре месяца, но у меня ничего не изменилось. Ничегошеньки. Рутинa. Одиночество.

Я словно жду какого-то чуда. Озарения или человека, который наладит все это за меня, потому что у самой не получается.

Бывают такие дни, когда все не просто валится из рук, нет. В такое время мне кажется, что я абсолютно не знаю, зачем живу. Для чего? Просто бесцельно трачу отведенное мне время. Просыпаюсь, иду на работу, возвращаюсь и ложусь спать. В перерывах ем. Иногда читаю книги и смотрю сериалы. Замкнутый круг, за пределы которого страшно даже нос высовывать. Потому что в любой момент может снова стать больно. Потому что отношения – это про счастье лишь в самом начале. А дальше, дальше все про ноющее сердце. Еще раз я подобного просто не переживу.

И ведь найдутся те, кто скажут, что нужно жить для себя! Нужно. Но как? С чего начать?

Я полгода к психологу ходила, а итог? Я все равно тут. В этом проклятом городе. И никакие пылкие речи терапевта меня не убедили.

За окном темнеет. В августе день нещадно идет на убыль. Десяти еще нет. Может быть, это знак купить бутылку вина?

Переодеваюсь в спортивный костюм, а стоя в супермаркете, напротив полочек с разноцветными стеклянными бутылочками, решаю, что лучше возьму сок. Сок, семечки и залипательный сериал. Вот что мне нужно.

Поправляю капюшон толстовки, что накинут на голову, и беру на кассе пакет.

Продавщица пропикивает мои товары и с недовольным видом спрашивает про бонусную карту.

– У меня ее нет. Оплата безналom.

– Прикладывайте, – звучит гнусаво.

Прикладываю телефон к терминалу, но он наотрез отказывается считывать карту. После пятой попытки понимаю, что придется идти домой за наличкой.

– Я заплачу.

Знакомый голос за спиной. Бушманов сегодня последний, кого я хотела бы видеть.

– Не нужно...

– И тебе привет.

Кирилл отодвигает меня чуть в сторону, прикладывает свой телефон к терминалу, и все срабатывает. С первого раза.

У меня даже карточка дефектная. Второпях складываю покупки в пакет. Очень надеюсь, что мое лицо более-менее пришло в норму и он не заметит того, как оно подпухло. Да и веки все еще, наверное, красноватые.

– Я тебе сейчас все переведу, – открываю банковское приложение.

– Не обеднею. Ты домой?

Не знаю почему, но иду за ним следом. Он расплатился за свои пельмени и прошел на выход. Я посеменила за ним.

– Домой.

– Садись, подвезу.

– Тут недалеко.

– Я в курсе. Садись ты уже, я не кусаюсь.

Он выжидающе на меня смотрит. Даже дверь со стороны пассажира открыл. А меня почему-то так и разрывает посоветовать ему причесаться. Потому что лохматый. Будто где-то спал, вскочил и пошел, даже в зеркало не посмотрев.

Олег бы себе никогда такого не позволил. Он всегда был придирчивым к деталям. Идеально отпаренные брюки, рубашки, пиджаки. Укладка волосок к волоску. Аксессуары. Часы для статуса. Запонки...

Взгляд цепляется за кеды Кирилла. Ах, точно, и никакой спортивной одежды.

– Ты уснула, что ли?

– Нет. Спасибо.

Решительно делаю шаг вперед. Если я протестую против своего прошлого таким образом, то способ так себе.

Опускаюсь на мягкое кожаное сиденье, замечая через зеркало коробку от пиццы на заднем. Жуть.

– Как собеседование?

Бушманов мягко трогает машину с места. Я даже не сразу замечаю, что мы начинаем ехать.

– Не взяли, – пожимаю плечами. Можно было, конечно, соврать, только смысл...

– А кто ты у нас по специальности?

– Юрист.

Кир улыбается. Полоска света от фонаря пробегает по его лицу как раз в этот момент. Я отчетливо вижу его ухмылку.

– Я сказала что-то смешное?

– Нет, – качает головой. Рулит, кстати, одной рукой. – Просто... погоди, – вытаскивает из кармана телефон.

Видимо, на вибро, потому что звонок я не слышала.

– Да, – его улыбка становится шире. – Я-то, – поворачивается в мою сторону, – полностью свободен. На сутках, ага. Ну все, заеду. Жди, значит, – смеется.

– Подружка? – спрашиваю и резко отворачиваюсь.

Зачем я это вообще говорю?

– Не ревнуй, у нас с ней несерьезно, – пожимает плечами и останавливает машину напротив моего подъезда.

– Я не... отстань, – тянусь к ручке двери.

Кирилл перехватывает мою руку. Я дергаюсь. Паникую, потому что не знаю, чего от него ждать. Зажмуриваюсь.

Запястья касается что-то холодное. Нож? Конечно нет, что вообще за дурацкие предположения, Оля?

Когда открываю глаза, вижу свой браслет.

– Ты забыла, – Кирилл проводит пальцем по моей руке от пульсирующей венки у основания ладони до сгиба локтя.

P.S. Если вас заинтересовал персонаж Еси, то про неё есть аж целых две книги «Он мой кошмар» и «Она моя зависимость»

«И ты после этого мужик? Пфф».(с.) Оля

Первые пару секунд реально не догоняю, что происходит. Олька сидит неподвижно, вся сжалась. Нахохленная, как цыпленок.

А я не могу руки от нее убрать. Вцепился в тонкое запястье, и все. Так и сидим. В полной тишине и без движений. Подмывает сказать какую-нибудь тупость. Может, поэтому и молчу, она и так на меня не совсем положительно реагирует.

– Отпусти, – вскидывает взгляд. Смотрит открыто. Сквозь землю от собственного хамства провалиться хочется. Впервые в жизни, между прочим. – Пожалуйста, – добавляет чуть тише, и я, как по команде, разжимаю пальцы.

Выпускаю ее руку из захвата, откидываясь башкой на подголовник. Прекрасно, Бушманов, самое то девок, которым ты противен, за руки хватать.

– Извини, – упираюсь ладонью в руль.

– Все нормально. Спасибо, что вернул. Я пойду, мне нужно...

– Иди.

Дослушивать отмазки сегодня нет ни сил, ни желания. Настроение плещется на минусовой отметке.

Весь день сегодня через задницу.

– Деньги я верну, – бормочет и выскальзывает на улицу.

Вдох-выдох, товарищ лейтенант. Капец просто.

Произошло бы хоть что-нибудь. Сейчас самое то в подвале вокруг какого-нибудь трупа бомжа ползать, а не вот это вот все.

Наблюдаю, как в окне второго этажа загорается свет. Нужно просто втопить по газам и уехать. Потому что соблазн подняться велик. У нее же всю дорогу глаза на мокром месте. С расспросами, что случилось, не полезешь, и не потому, что мало ее знаю. Ответ просто слышать не хочу. Сто процентов из-за Олега.

Не уверен, знает ли он, что она в городе, но, если до него эта инфа дойдет, как клещ в нее вцепится. Он же и два года назад долго не мог отойти от ее побега. Она его этим нехило потрянула. Олежа все ждал, когда вокруг шумиха поутихнет, и он как ни в чем не бывало продолжит бегать на два фронта. Только статусы у баб его поменяются. Та, которая официальная, любовницей станет, а другая – женой. Обломался.

Несколько минут верчу в руке смартфон и лишь потом трогаюсь с места. Городские сумерки с подсвеченными фонарями улицами удручают. Врубаю дворники. Август и правда в этом году сырой.

Потом осень. Терпеть ее не могу. Сыро, холодно и мрачно. Самое то для каких-нибудь маньяков, а нам их потом лови.

А если она к нему вернется? Может же. Ее вон до сих пор от одного упоминания о нем колбасит.

Эта мысль вышибает меня на раз. И так убогий день ста-

новится окончательно мерзотным.

Выкручиваю руль. Разворачиваю машину на перекрестке. Минут через десять бросаю тачку у Тайкиного дома.

Вообще, не планировал сегодня заезжать, когда по телефону с ней разговаривал, больше на Олину реакцию хотел посмотреть. Но че-т как-то сейчас, походу, самое время...

– Не ждала, что ли? – переступаю порог маленькой студии.

– Я тебя всегда жду.

Тая улыбается. Привычной и вполне понятной мне улыбкой. Кладет ладони мне на плечи и, чуть подпрыгнув, скрещивает лодыжки за моей спиной.

Я ее не держу, она сама инициативу проявляет. Стаскивает с меня куртку, целует.

Закрываю за собой дверь и практически вслепую тащу ее на кровать.

Как там говорят? Утро вечера мудренее? Так вот сегодня работаем именно по этому сценарию.

– Здорово, – пожимаю Панкратову руку. – Я смотрю, вы помирились, – говорю, пропаливая в его тачке рыжую девчонку.

Андрей улыбается, как мартовский кот.

– Поздравляю.

– Я, вообще, к тебе по делу, – тянется в карман пиджака

и достает конверт.

– У, чувак, вижу, тебя амур окончательно покусал. Считай, жену я тебе во имя любви нашел.

– Помни, я предлагал.

– Мне не надо, а пацаны не напрягались, так что все прошло тихо.

Поворачиваюсь на шум. Жена Панкратова хлопнула дверью в тачке и идет к нам.

Встает под бочок к мужу и, прищурившись, представляется:

– Есения.

Смотрит заинтересованно. Не может, видимо, вспомнить, где видела. Ладно, дам девочке подсказку.

– Мы знакомы, – улыбаюсь. – Вспоминай, красotka.

Бросаю беглый взгляд на Андрюху. Знаю, скотская привычка. По моей манере поведения ошибочно может показаться, что я всегда и ко всем подкатываю. Хотя это далеко не так.

Рыжулю осеняет быстро.

– Олькин знакомый! Да? Как тебя...

– Кир, хорош, – встречается Андрюха. – Есь, сядь в машину.

– Да пожалуйста, – фырчит мадам.

Панкратов наблюдает за тем, как жена возвращается в машину, и поворачивается ко мне.

– Ты бессмертный, что ли? – ржет.

– Что-то вроде того. Вали давай, к жене и детям.

Вытаскиваю из кармана мобильник. Мать наяживает. Быстро пожимаю Андрею руку и иду к своей тачке.

– Привет, мам, – отвечаю и снимаю ее с сигналки.

– Кирюша, ты вечером к нам заедешь?

– Мам, дел по горло.

– Кирилл, у Олега день рождения. Вы же братья, загляни, поздравь для приличия.

– У меня нет приличия. И желания его поздравлять тоже. Но я буду. Только ради тебя.

Мама улыбается. Чувствую это. И сразу же скатывается в заботу, которой у нее хоть отбавляй.

– Ты кушал сегодня?

– Кушал-кушал.

– Я сто раз говорила, чтобы перед сутками домой заглядывал. Я бы тебе нормальную еду собирала. А то питаешься одним фастфудом и газировкой.

– Не пять лет, – напоминаю, медленно выкруливая на проезжую часть.

– Желудок испортишь.

– И гастрит получу. Помню.

– Все тебе смешно, – мама вздыхает. – Приезжай, я тебя жду. Соскучилась же. А то, если сама в гости не нагрону, ты и не подумаешь меня навестить, – вздыхает.

– Мам, не говори ерунды.

– Ладно, не буду отвлекать. Хорошенько выпишь. Столько часов на ногах.

– Хорошо.

Мама прощается и кладет трубку. Хочу уже бросить телефон на соседнюю сидуху, но в соцсетке приходит сообщение.

Притормаживаю на красном светофоре и открываю послание от...

Ольги Грицай? Даже в друзья не поленилась добавиться, чтоб написать.

Это уже интересно. Бью пальцем по полоске с сообщением и зависаю.

«И ты после этого мужик? Пфф».

Нормально...

Сзади начинают сигналить. Поднимаю взгляд, над перекрестком уже давно зеленый.

Плавню отпускаю педаль тормоза, продолжая посматривать то на Олькину предьяву, то на дорогу.

И с чего вдруг?

«Ты адресом, случайно, не ошиблась?»

Отвечаю после недолгих раздумий.

Олька что-то долго печатает. Надпись курсивом рядом с ее фоткой то пропадает, то исчезает.

Ладно, потом. Бросаю телефон в подстаканник. Утро задалось, конечно.

Притормаживаю на очередном светофоре. В башке какая-то каша от происходящего. Ощущение, что на пару лет

назад вернулся. Фонтанирующая клоунада.

Хожу, улыбаюсь, а внутри раздирает от понимания, что я снова, добровольно лезу в этот замкнутый круг, где главные роли давно отданы брату и Ольке. Оно мне надо?

Я ведь на полном серьезе поначалу думал, что она с ним из-за денег. Потому что терпеть по отношению к себе то, что делал Олег, граничит с тяжелофазной шизой. Потом дошло, что деньги тут абсолютно ни при чем. Просто Грицай у нас блаженная. Вбила себе в голову какую-то красивую сказку о любви и жила счастливо, пока мой брат ее с ног до головы помоями обливал.

Даже на эту долбаную свадьбу пришла. Олежу тогда чуть инсульт не долбанул на нервной почве. Это его новоиспеченная жена так соригинальничала, прислала Ольке приглашение на свадьбу. Видимо, хотела добить. Даже не предполагала, что Грицай придет на этот праздник жизни. Еще и в белом платье.

Пока гоняю в голове мысли из смеси прошлого с настоящим, успеваю добраться до дома. Медленно начинает вырубать. Больше суток на ногах.

Тачку бросаю с внешней стороны, у проезжей части. Во дворе все наглухо забито. Воскресенье.

Кладу ключи на тумбочку в прихожей. Разуваюсь. На ходу расстегиваю куртку и бросаю ее в кресло.

На кровать заваливаюсь поверх одеяла. Чувствую, как дергается рука, но уже через плотную дымку сна. Вырубает

мгновенно. Только ненадолго.

В щеку тычется что-то мокрое и холодное.

Чьих лап дело, догадаться нетрудно. Отпихиваю котячью морду ладонью и переворачиваюсь набок. Только этот мохнатый обжора не успокаивается. Продолжает диверсию. Открываю глаза. Пару секунд прихожу в себя, прежде чем столкнуться этот сугроб на пол.

– Пошли, животное.

В кухне насыпаю в миску корма и придвигаю ногой ближе к коту. Этот монстр появился у меня год назад. Сидел у подъезда полудохлый. Откуда пришел, черт его знает. В ветеринарке сказали, что еще бы день-два, и пушистые лапы отправились бы прямиком на небеса.

– Давай, Холифилд, работай челюстями. И только попробуй еще меня разбудить, – треплю плотную шерсть на холке, задевая слегка обглоданное ухо.

Глаза открываю уже ближе к вечеру. После суток всегда так. Дни недели в башке путаются. Про ночь и утро я вообще молчу.

Тянусь к телефону. Восемь часов.

Минут двадцать на то, чтобы сделать из себя подобие человека. Снимаю смартфон с авиарежима, и на него одно за другим сыплются сообщения.

Все та же Ольга Грицай. Открываю.

Последнее от меня: *«Ты адресом, случайно, не ошиблась?»*

Дальше все от Оли:

«Очень бы хотела, но нет. Зачем ты это сделал?»

Минуту спустя.

«У нее были серьезные проблемы с мужем!»

«Ты ее подставил. И меня тоже».

«Он ей изменял. Ты вообще понятие имеешь, что такое, когда тебе изменяют? Хотя о чем я...»

И финалочка с разницей в час от первого сообщения:

«Проще ведь самому делать больно другим. Чего я вообще ожидала от такого, как ты?»

Бегло читаю поток Олькиного сознания. Абсолютно ничего не понимая спросонья. Кроме того, что меня заочно записали во враги.

Откладываю телефон и оставляю ее сообщения без ответа. Оправдываться не привык. Если я что-то делаю, то изначально думаю.

В ситуации Панкратова все было именно так. Лезть в это болото без пруфоф я бы не стал.

Относительно измены – это лично дело каждого. Но чисто по фактам жена ушла от него вровень с банкротством. На что есть официальные выписки, да и слухи в определенных кругах. Ушла, забрала месячного ребенка. Ни родителям, ни подругам, куда свалила, не сообщила.

То есть у чувака проблемы с бизнесом, его кинули на большие бабки. Он фактический банкрот, стервятники слетятся быстро и сразу.

Недоброжелателей всегда много.

Что в этот момент делает его жена? Собирает вещички и сваливает с ребенком в неизвестном направлении.

Весь перформанс замешался на почве ревности. Вместо того чтобы поговорить и выяснить все с мужем, Есения решила просто сыграть в рулетку. О банкротстве не знает, зато уверена, что муж ей изменяет. Бинго просто.

Короче, девочка пряталась. Устроила вокруг себя детский сад. А Ольга ей прекрасно подыгрывала, потому что сама такая же.

И вот таких случаев миллион. Когда там не сказали, здесь промолчали, а дальше разгребаем как можем, ну или не разгребаем.

Ставлю щетку в стакан. Ополаскиваю лицо и, щелкнув выключателем, иду к шкафу.

Быстро застегиваю ремень на джинсах, прикладываю к груди футболку. Слегка помятая, но и так сойдет. Под курткой, которую в доме родителей я снимать не буду, потому что зайду туда ненадолго, не заметят.

Наливаю Холифилду воды и спускаюсь во двор. Сворачиваю к тачке, выхватывая боковым зрением Олю.

Она идет ко мне. В руках пакеты с названием соседнего супермаркета. Ускоряется, когда замечает, что ждать ее я не намерен и уже сажусь в машину. Торопится. Очень быстро оказываясь рядом. Злая.

– У тебя что-то важное? – Стекло ползет вниз. Упираюсь локтем в образовавшееся пространство открытого окна. Неспешно скользя по Оле взглядом. Волосы заплетены в косу. Ноги обтягивают спортивные легинсы. Вырез майки лишь слегка прикрыт укороченной светло-зеленой ветровкой.

Но задевают, конечно, глаза. Яркие. Синие. Но потухшие. Стеклянные и практически безжизненные.

– Зачем ты...

– Если это по поводу твоей недавней гостьи...

– Она моя сестра.

– Сути дела не меняет. То давай потом.

– Ты не имел права лезть в чужую семью!

– Как и ты, – перевожу машину в «драйв». – Ты скрывала у себя человека, – перехожу на шепот. – Прежде чем кого-то у себя прятать, включай голову. Во-первых, это может быть опасно, а во-вторых, ты точно так же вмешиваешься в семью. Разве нет?

– Еся меня попросила о помощи.

– Меня о ней тоже попросили. У тебя шнурок развязался, – смотрю на ее ноги в белоснежных кроссовках.

Она не шевелится. Смотрит на меня, вот-вот, блин, загнипнотизирует. Нервно ведет плечом. Отворачивается, так что теперь я вижу ее в профиль.

Прищуриваюсь. У нее глаза слезятся.

Да тут все прозаичнее. Она же не просто злится на меня.

Она винит себя. Скрутило вон всю.

– Ты считаешь себя виноватой перед сестрой? – интересуюсь, абсолютно не рассчитывая нарваться на поток слез.

Они капля за каплей скатываются по фарфоровым щекам, пока не превращают минутную слабость в настоящие рыдания.

Глушу машину и выхожу на улицу.

«Нет, он, безусловно, мне не нравится.

Ни в коем случае. Просто с ним легко». Оля

– Не трогай, – отступаю. Понимание того, что он вот-вот до меня дотронется, пугает.

Вчера в машине было то же самое. Кирилл провел пальцем по руке, и меня переклинило. Эта его якобы забота и совсем лишнее прикосновение стали спусковым крючком. День и так выдался паршивым. Встреча с Олегом, очередное провальное собеседование и как вишенка на торте – неугомонный брат моего бывшего. То, что, вернувшись домой, я долго рыдала, уточнять, думаю, вообще не нужно?!

Зачем Кирилл все это делает? Трогает меня, постоянно появляется где-то рядом...

Разве мне мало проблем?

Мама звонила, попросила приехать в понедельник. Ее срочно вызвали на работу, там какая-то проверка, она у меня главбух на хлебозаводе. Папа после операции так до сих пор и не пришел в себя. Нет, он в сознании, просто абсолютно несамостоятельный. Мама находится с ним двадцать четыре на семь. Через неделю ее отпуск закончится, придется выйти на работу уже с концами. Денег на сиделку нет. Все сбере-

жения, что были, ушли на реабилитацию после операции.

Список положенных от государства лекарств в его случае в нашем регионе неполный. Многие приходится покупать самим, и это дорого.

Отец в отставке, не совсем по собственному желанию. Поэтому помощи от прошлой работы, которой он отдал всю свою жизнь, нет.

Надеюсь, что, когда устроюсь на работу, хоть на немного смогу облегчить их финансовые проблемы. Пока, к сожалению, побуду исключительно в качестве сиделки.

– Извини за мою резкость.

Кирилл говорит громко, без дурацких улыбок. Именно этим и вырывает из мыслей, которые кружатся в голове волчком.

На самом деле я даже толком не помню, когда он вообще был серьезен. Да и был ли? Вечный шут...

– Ты просто поступил плохо. И я тут ни при чем, – собираю силу воли в кулак, чтобы сказать это ровно. Без заминок и всхлипов. Губы все еще немного дрожат, и вижу я мутно из-за слез, которые скопились в уголках глаз. Но вытолкнуть из себя пару предложений и не разрыдаться снова я в состоянии.

Говорю и ставлю себе галочку – врать совершенно не умею.

Он прав... я при чем. Еще как при чем.

Еся появилась в поле зрения Бушманова только из-за ме-

ня. Муж нашел ее только потому, что мы с Кириллом знакомы.

Да, они помирились, и все оказалось не так, как сестра себе представляла... но... если бы последствия этой встречи действительно были нерадостными?

Я знаю, что такое, когда тебя ломает любимый человек. Не понаслышке знаю.

Именно поэтому мне так хотелось скинуть собственное чувство вины на чужие плечи, а Кирилл стал идеальным для этого вариантом. Это же так просто – переложить свои заморочки на другого, неважно, по какому поводу. Именно это я и сделала. Отправила ему гневное сообщение, а столкнувшись с игнором, решила не сдаваться и позориться до конца.

И сейчас упорно продолжаю это делать. Сама подошла, сама начала обвинять, а в итоге разрыдалась. Психушка, настоящая.

Кирилл слегка прищуривается и делает шаг, который сокращает расстояние между нами вдвое.

– Я же просила, – выставляю ладонь вперед, желание дистанцироваться никуда не делось.

Но вместо слов он забирает из моих рук пакет.

– Пошли-ка, я тебя провожу.

Не церемонится, просто подталкивает в сторону дома. Не оборачиваясь, иду вперед, лишь немного вздрагиваю, когда за спиной взвизгивает сигнализация.

Мы идем молча. Я впереди, Бушманов сзади. Он не идет

по пятам, но и не отстаёт. Можно сказать, держит дистанцию.

Вынимаю из кармана магнитный ключ. Кирилл придерживает дверь, пропускает меня в подъезд. Быстро взбегаю по ступенькам и вызывает лифт.

Прячу руки в карманы ветровки. Странное ощущение: рядом с ним я вроде и чувствую себя неудобно... но как-то по-другому. Без страхов и отвращения.

Нет, он, безусловно, мне не нравится. Ни в коем случае. Просто с ним легко. Кирилл не заикливается на моих словах, внешности, да ни на чем. Не отвечает сомнительных комплиментов и, самое странное, не делает замечаний.

У него все как-то проще, что ли... без заморочек.

А я... я одна сплошная заморочка.

Он «держит лифт» ногой так, что перегораживает собой вход. Приходится вытянуться по струночке, чтобы зайти в кабинку и не задеть его.

И у меня получается. Я протискиваюсь внутрь, не коснувшись Бушманова, правда, тут же спотыкаюсь о свой пакет с продуктами, который он поставил на пол.

– Осторожно.

Его рука так быстро обвивает мою талию. Я даже понять толком ничего не успеваю. Зажмуриваюсь только. В мыслях ведь уже давно распласталась по полу узкой кабинки и получила пару синяков на коленках.

– Спасибо.

Шепотом, через глубокий вдох. Он уже может меня отпустить, но по-прежнему держит за талию. Я твердо стою на ногах, но вывернуться из его захвата не решаюсь.

– Думай сначала о себе.

Я реагирую на его голос мурашками. Они распространяются по телу со скоростью света.

– Твоя сестра – взрослая девочка и разберется со всем сама. Да и не выглядела она жертвой.

– Ты ее видел?

– Сегодня. Они ко мне заезжали.

– Кирилл, – хочу убрать его руку, но, едва задев теплые пальцы, отдергиваю свою.

– Понял, телефончик мне до сих пор так и не светит, – убирает руку. Улыбается. Я этого не вижу, но чувствую.

Плечи предательски дрожат. Щеки становятся мокрыми. Я теряю связь с реальностью и уже абсолютно ничего не понимаю. Просто плачу и очень хочу, чтобы он этого не заметил.

– Не реви.

Очень близко. Над самым ухом. Теплое дыхание ударяет в висок.

Медленно разворачиваюсь. Не знаю, что со мной происходит. Но в голове сидит одна-единственная навязчивая мысль. Поцеловать.

Просто поцеловать и прижаться к нему крепко-крепко. Хоть на минуточку почувствовать, что я не одна.

Кладу руки на широкие плечи. Кирилл горячий, даже через прочный материал кожаной куртки я чувствую его тепло.

– Я... сейчас... – мысли путаются. – Ты только ничего не подумай и...

Поток несвязных слов заканчивается. Привстаю на цыпочки и впечатываюсь в его губы своими. Проходит несколько секунд, прежде чем понимаю, что он мне не отвечает. До зайчиков в глазах сжимает мою талию, не отстраняется, но на поцелуй не отвечает.

Прилипаю пятками к полу. Вот теперь стыдно. Вот теперь хочется смотреть куда-нибудь в сторону, а лучше вниз.

– Это что было? – спрашивает хрипло и почти сразу убирает ногу, которая все это время держала лифт вниз. Двери кабинки схлопываются. Мы едем вверх. Прямо к моей квартире.

– Прости, – бормочу еле слышно, а у самой сердце колотится как ненормальное.

– За что?

Кирилл обхватывает мои щеки ладонями. Вынуждает поднять голову и взглянуть ему в глаза. В них горит огонь. Я чувствую, как языки этого пламени облизывают кожу.

Становится жарко. Слишком жарко. Мы заперты в этой крохотной кабинке. Оторваны от реального мира. Понимание этого будоражит.

Окольцовываю его запястья. Губы облизываю инстинктивно. Сейчас, в эту самую минуту, здесь присутствую ка-

кая-то другая я. Смелая и не думающая о последствиях. Девочка, напрочь отказывающаяся помнить о «завтра». Завтра, которое непременно наступит, и что я буду тогда чувствовать, неизвестно.

Лифт дергается. Лампочка над нами тускнеет. Створки вот-вот разойдутся в разные стороны.

Веду большим пальцем по его запястью, задевая массивный серебристый браслет. Кабинка снова дергается. Счет идет на секунды. А в голове набатом снова эта навязчивая мысль: поцелуй.

Ну поцелуй же меня!

– И куда делась скромная Оля? – его губы изгибаются в улыбке. Такой ослепительной, теплой...

Мне кажется, что никто и никогда мне так не улыбался.

– Я это вслух сказала? – все тем же шепотом.

Кирилл кивает, а я... я зажмуриваюсь. Снова стыдно. Снова странно.

– Твои мысли мне нравятся, – подается чуть вперед. Его открытая ладонь фиксирует шею. Губы касаются виска.

Я часто дышу. Впечатываюсь носом ему в грудь, вдыхая запах туалетной воды. Что-то свежее, немного дерзкое, даже озорное.

Лифт замирает, как и я. Шевелиться становится тяжелее. Позади открывается выход на лестничную клетку. Наше заточение осталось где-то во времени.

– Кирилл... я...

– Домой иди, – отстраняется. Больше не улыбается. Только слегка выталкивает меня на площадку. – Пакет, – отдает в руки.

– Ты не так понял, – поджимаю губы. – Может быть, зайдешь? – спрашиваю, а у самой дыхание перехватывает.

Не знаю, зачем мне это, не знаю, почему предлагаю.

– В другой раз.

Хочется сказать ему, что другого раза не будет, но я молчу.

– Оля, – с нажимом, – иди домой, пожалуйста, – добавляет уже мягче.

Мне кажется или я вижу, как дергается венка у него на шее?

Бушманов щелкает кнопку с цифрой один, и дверцы медленно сползаются прямо перед моим лицом.

Несколько секунд стою в ступоре. Смотрю на блестящие алюминиевые ставни.

Как попадаю домой, не помню. Прихожу в себя, сидя в душевой кабинке. Сверху льется теплая вода, запрокидываю лицо, смывая ей остатки косметики.

Сердце все еще бьется учащенно.

Что это только что было? Зачем я его поцеловала? Откуда эта сумасшедшая тяга к человеку, которого я никогда не воспринимала всерьез?

Кирилл перевелся к нам уже в выпускной класс. До этого учился в какой-то частной школе. Популярный мальчик,

вокруг которого постоянно вились девчонки. Когда я впервые пришла к ним домой в статусе девушки Олега, Кирилл затроллил меня до смерти. Я, как сейчас, помню парочку его язвительных фраз.

Я же прилипала и вообще спуталась с его братом из-за денег. И это малая часть того, что он обо мне говорил. Прини-жал, обзывал меркантильной дрянью...

И плевать, что с Олегом я познакомилась в баре на свое восемнадцатилетие. Это было зимой. Я не знала, кто он и, уж тем более, кто его отец. Мне просто польстило, что взрослый парень обратил на меня внимание.

Хотя лучше бы не знакомилась. Наверное, я ни о чем так не жалею, как о том вечере. Тогда казалось, что это самый великолепный праздник, а сейчас день, который бы хотелось вычеркнуть из жизни.

Перекрываю воду. Мокрые ступни соприкасаются с кафелем. Вот сейчас главное – не поскользнуться. Сломать руку или ногу будет совершенно некстати. Закручиваю на голове полотенце, перед этим хорошенько промокнув им волосы. Набрасываю халат и шире открываю дверь в ванной, наполненной паром. Пока я там тусовалась, воздух стал максимально влажным, даже легкая дымка от горячей воды витает.

Чуть покрепче затягиваю поясок. Пока иду на кухню, чтобы приготовить ужин, взгляд цепляется за мой прозрачный зонтик.

В памяти почему-то сразу всплывает, как мы с Кириллом шли

домой под дождем. Это было перед самым выпускным, после репетиции вальса. Меня поставили в пару с Бушмановым. Я, когда это узнала, чуть разрыв сердца не получила. Понимала, что легко не будет. Он же меня на дух не переносит.

Но, к моему удивлению, именно в тот вечер, под дождем, он извинился. Кажется, я шла впереди, притормозила на светофоре. Очень хотела от него отвязаться, но он продолжал тащиться за мной следом. За пару секунд перед тем, как загорелся зеленый, Кирилл дернул меня за руку и сказал, что я хорошая. Попросил прощения, назвал себя идиотом...

А потом... потом выхватил у какого-то мимо проходящего мужчины прозрачный зонт, примерно такой же, какой висит сейчас в моей прихожей, и, не отпустив мою руку, побежал в сторону. Прежде чем вернуться домой, тем вечером я прошла с ним огромный крюк.

Не помню, о чем мы говорили, помню только, что было весело.

На следующий день я рассказала Олегу о том, что наконец-то нашла с его братом общий язык. Правда, он посоветовал мне держаться от Кира подальше. Потому что все его красивые слова – просто метод для достижения цели, и все, чего он может хотеть, это залезть мне под юбку.

«Наверняка с кем-нибудь из своих отбитых дружков поспорил», – так Олег тогда выразился.

Заканчиваю с мясом и ставлю противень в духовку. Пока

оно готовится, наливаю себе чай. Усаживаюсь на стул, даже конфетку разворачиваю. Но даже откусить не успеваю, потому что в дверь звонят. Сто процентов Ритка.

– Иду, – кричу из кухни, делая мелкий глоток чая.

Зажигаю свет в прихожей, открываю и роняю кружку на пол.

– Олег?

Не верю своим глазам.

– Я надеялся, что ты поздравíš меня сегодня, – без приглашения переступает порог.

"Разжимаю пальцы, в которых был сжат букет. Белые бутоны падают в лужу".

(с) Кирилл

– И где твой муж-именинник, Вера? – скольжу взглядом по жене брата. До сих пор так и не могу понять, чем она и еще десяток баб, с которыми путается мой брательник, лучше Оли?

Понятно, что натура у него такая – скотская. Хоть в нашей семье ярлык бабника и висит на мне, но как можно променять такую светлую и красивую девочку, как Оля, на вот это...

Дело даже не в Веркином залете и наспех организованной свадьбе.

Просто мой помешанный на Грицай мозг никак не может взять в оборот одну-единственную мысль: я Олю люблю... любил. А мой брат ей просто пользовался.

– Отъехал по работе. Его все уже поздравили, ну, – взбивает ладошкой свои белые локоны, – кроме тебя.

– Удачно я зашел, – улыбаюсь.

– Кирилл, – шикает мать, стреляя в Верку глазами. Невестка этого не видит, продолжает поправлять свою перегибленную шевелюру.

Небо и земля же. Верка выглядит малость потасканной, даже огромные бабки отца не помогают.

А Оля... У нее такие красивые волосы, глаза. Губы мягкие. Нежные.

Я сегодня чуть крышей не поехал, когда эти губы меня коснулись. Еле сдержался, чтобы не затащить ее в квартиру. Это ее «Может, зайдешь?» как удар под дых.

– Молчу, –ставляю руки вперед в незамысловатом жесте «сдаюсь».

Мама суетится у духовки. Достает утку в яблоках.

При всем выпендреже на свое тридцатиоднолетие Олег решил не заморачиваться с рестораном, а поэксплуатировать родителей. Мать целый день у плиты, отец оплатил все это торжество момента и назвал гостей, которые могут быть полезны старшенькому в продвижении по карьерной лестнице. Не жизнь – сказка. Только роль Ивана-дурака мне в ней отведена.

– Шут, – фыркает Верочка и, цокая низкими каблучками, чешет к гостям.

– Ну вот что ты начинаешь? – мама ставит поднос на стол и сбрызгивает эту поджаренную птицу какой-то жидкостью из пульверизатора.

– Тебе заняться нечем? Целый день тут кашеварить. Няня бы кого-нибудь.

– Я так отдыхаю, когда готовлю.

– Ну не на двадцать же человек. А потом удивляешься,

почему у тебя давление.

– Куртку, может быть, снимешь?

– Я ненадолго. Заехал, как ты и просила, открытку подарить. Но раз виновник торжества свалил, то я последую его примеру.

– Кирилл, – мама обтирает руки полотенцем и подходит ближе. Проводит ладошкой по моему плечу. – Когда вы уже помиритесь? Сколько можно? Ну за что ты на него взъелся?

– А разве мы когда-то ладили?

– Я всегда думала, что это возрастное и ты перерастешь.

– Перерасти тут нужно явно не мне.

– Мне даже в голову не приходит, какая кошка между вами пробежала.

И не надо, мама, чтобы приходила. Пусть хотя бы тебе в этой долбанутой семейке спокойно спится.

– Так, – отмахиваюсь, еще не вижу, но уже чувствую приближение отца.

Его легко вычислить по тяжелым шагам.

– Кирилл, – удивленно вскидывает бровь.

«Какая неожиданность», – сто из ста, что так скажет.

– Какая неожиданность, – тянет мне руку.

Пожимаю в ответ сухую отцовскую ладонь, еле заметно кивая.

– Останешься? – выхватывает взглядом все еще надетую на мне куртку.

– Забежал на пару минут.

– Жаль. Давно тебя не видел. Как твои дела? Как работа? – на последнем слове он изо всех сил старается скрыть свое пренебрежение.

Вопреки домыслам окружающих, у меня с отцом нормальные отношения, правда, до тех пор, пока дело не касается моей работы. Здесь он готов скандалить и орать хоть круглые сутки.

– Нормально.

– Когда отметим внеочередное звание? Ну или хотя бы очередное.

– Неплохая попытка, папа, – стягиваю с плеч кожаную крутку. – Почти засчитано. Почти уел. Но ты же в курсе, почему ничего из вышеперечисленного мне пока не светит?

Отец прищуривается. Косится на мать. Ну да, она же не в курсе, что чувака, которого я задержал, защищал мой отец.

Теперь вот засранец, который похитил девчонку и держал ее больше месяца в своем загородном доме, гуляет по улицам, потому что папочка все проплатил, а деваха до сих пор в дурке лечится.

Я этого козла разрабатывал, нашел и тем же вечером встретился с собственным отцом. Только уже в роли адвоката этой твари.

Мне тогда превышение служебных полномочий приписали и звания лишили... Погорячился, дал «красавчику» в морду пару раз. Ну или не пару.

С тех пор я у начальства на плохом счету.

– Ну что вы все о работе? – мама вздыхает. – Костя, помоги мне поднос отнести.

– Алла, иди к гостям, мы с Кириллом все принесем. Парой слов еще перекинемся.

– Только давайте хоть сегодня без скандала.

– Без проблем, – улыбаюсь уходящей матери и, как только она скрывается из вида, поворачиваюсь к отцу. – Дыру прожжешь.

– Я помню. На работе ты – адвокат, а я – мент, – хлопаю отца по плечу. – Помню. Только вот мы оба знаем, по чьей подсказке этот упырь тогда на меня заяву накатал. Ты же думал, что меня уволят.

– Если бы я хотел, чтобы тебя уволили, поверь, это бы уже давно случилось.

Улыбаюсь. Вот сейчас широко и искренне.

– Знаю. Но тебе это и не нужно. Ты привык меня воспитывать и вряд ли пойдешь просить своих знакомых генералов о подобной услуге. Так только, палки в колеса вставляешь, все ждешь, когда я все брошу и «вернусь в семью».

– И это случится.

– Олежу воспитывай, он от этого в восторге. Третья новая тачка за год. Что-то я не слышал ни одного громкого дела с его участием. Не по средствам покупки.

– Попридержи язык. Он твой брат.

– Столько лет это наблюдаю и никак не пойму, тебе действительно в кайф все это на своих плечах тащить?

– Вот и я думаю, столько лет прошло, а ты до сих пор злишься на него из-за какой-то девчонки. Бабу не поделить... Уму просто непостижимо.

– А вот это, папа, – стискиваю челюсть, – не твое дело. Там гости заждались.

– Ты останешься?

– На полчаса. Мама попросила.

Бросаю куртку на барный стул и забираю поднос с этой чертовой уткой.

Отец следом не идет. Остается стоять посреди кухни.

– Всем добрый вечер, – киваю десятку таращащихся на меня глаз.

Мама быстренько поднимается со своего стула. Разгреба-ет место для подноса.

– Алла, это Кирюха, что ли? – спрашивает тетя Надя. Мамина подруга и жена главы холдинга «***металл». Местный король черной металлургии. – Лет пять его не видела.

– Ой, Надь, сама его раз в месяц, дай бог, вижу.

– Совсем зеленым пацаном его помню.

– Хорошо выглядите, – улыбаюсь и присаживаюсь рядом с мамой.

Конечно, то, что все внимание присутствующих сразу обращается на меня, неудивительно. Вот именно поэтому терпеть не могу подобные сборища.

– Максим Палыч, какая неожиданная встреча.

Зарубин едва заметно улыбается.

Именно в этом и заключается весь абсурд ситуации. Максим Павлович – одноклассник и старый друг отца с детства. Ну и начальник городской полиции.

Наш подполкан к нему на ковер раз в месяц ездит, возвращается обычно в скверном настроении.

А я вот он, тут...

– Как служба?

– Прекрасно, товарищ генерал-майор.

– Максим. Давай мы об этом не будем, – слышу голос отца за спиной.

Несмотря на то, что батин лучший друг вон доблестный сотрудник органов, его отношение к моей работе максимально отрицательное.

Создатель семейной империи, блин.

– Алла Дмитриевна, может, вы Олегу позвоните? – пищит Верочка. – А то с меня он трубку не берет. Мы просто сегодня поссорились, слегка... а тут гости... ждут же все.

– Сейчас-сейчас, – шепчет мама и выходит из-за стола.

– Верка, – откидываюсь на спинку стула, – вернется твой суженый, не болей.

Вместо ответа получаю улыбку.

А так хотелось добавить: «С очередной телки слезет только». Но данную «шутку» приберегу на потом.

Вечер разворачивается уныло. Мама с Верой периодически называют Олеже в течение того часа, что я тут нахожусь. Отец вступает в спор с Веркиным отцом. Они вечно

не сходятся во мнениях. Я же остаюсь сторонним наблюдателем.

Отсидев обещанное время, прощаюсь с мамой и сваливаю домой. По дороге заезжаю в цветочный. Прошу девушку-флориста собрать букет. На вопрос: «Для кого?» почему-то смело отвечаю: «Для любимой девушки».

Зайти к Оле несколько часов назад было бы ошибкой. Сейчас же мы оба остыли. По крайней мере, можем нормально поговорить.

Припарковываюсь во дворе, у соседнего дома. Из машины выхожу не сразу, еще пару секунд издали смотрю на горящий в Олькиных окнах свет. Думаю, что сказать, да и как себя вести в целом.

Пока иду к ее подъезду, бросаю взгляд на второй въезд. Знакомый номер режет глаза. «*666*» – машина моего брата.

Почему-то впервые хочется сделать вид, что я этого не вижу. Впасть в банальное отрицание. Особенно после произошедшего в лифте.

Намеренно же целый этот гребанный вечер старался не думать о том, что между нами произошло. Абстрагировался, потому что мне адски хотелось зайти к ней в квартиру.

И плевать, что будет потом. Хотя теперь я знаю это «потом».

Может быть, действительно стоило Ольку того...

А что? Вдруг теперь было бы не так паршиво.

Останавливаюсь под окном Грицай. Смотрю на занавешенные шторы, сквозь которые просачивается верхний свет. Улыбаюсь. Само как-то выходит. Что-то вроде нервного тика.

Перевожу взгляд на торчащий бампер Олежиной тачки. Разжимаю пальцы, в которых был сжат букет. Белые бутоны падают в лужу.

Ну, в общем-то, слов не нужно. И так все понятно. Зака-тай губу, Кирюша...

"Закрываю глаза. Голову кружит аромат его тела.

Родной, близкий, до ломоты в костях". (с) Оля

– Я не звала тебя в гости. И поздравлять не собиралась, – прикусываю кончик языка. Выпроводить его за дверь мне не удастся. В физическом плане я проигрываю, а слова мои на него точно не подействует.

Может, именно поэтому и иду на кухню. Достая еще одну чашку и наливаю туда кипяток. Бросаю чайный пакетик, наблюдая за тем, как Олег кривит губы.

Ну да, пакетированный чай – это помои. Я помню, но мне плевать.

– Садись, – киваю на стул и ставлю перед ним кружку.

– Спасибо.

Олег легким движением стягивает с плеч пиджак и аккуратно вешает его на спинку стула. Закатывает рукава на рубашке, из-под которых начинают проглядывать узоры татуировки.

Раньше мне очень нравилась эта цветная абстракция, перекрывающая кожу на его плече и предплечье.

– Зачем ты пришел?

– Соскучился.

Олег обхватывает горячую чашку ладонями и даже не морщится. Смотрит мне в глаза. Кажется, серьезно...

– Мне это неинтересно, – вскидываю подбородок. Напротив него не сажусь. Остаюсь стоять у кухонного гарнитура.

Тело холодит от мужского взгляда, который медленно ползет по моим ногам. Надетый на мне халат сейчас совершенно некстати.

– Красивая, – заключает, поймав мой взгляд.

– Спасибо, – криво улыбаюсь.

– Постоянно о тебе думаю, Оль. Увидел в кафе и просто места себе не могу найти. Как мальчишка... Мне так жаль. Прости меня.

– Я тебя простила, – киваю. – Все?

Олег шумно выдыхает. Продолжает смотреть в глаза. Пристально, словно хочет меня загипнотизировать.

– Оль... не наказывай, – он рывком поднимается с места. Сокращает расстояние между нами в пару шагов. – Хочешь, я на колени перед тобой встану? Скажи, чего ты хочешь?

Обхватывает мои щеки ладонями. Смотрит в глаза. Меня немного ведет. Такие резкие прикосновения стали неожиданностью. Я растерялась.

– Холодная, – сжимает мои пальцы. – Ты такая холодная, иди ко мне.

– Не надо, – отстраняюсь, точнее, пытаюсь сделать это, несмотря на его хват.

– Оленька, – рывком возвращает меня обратно. Прижи-

мает к груди. Гладит по спине. – Девочка моя... Ты мне так нужна. Я так скучал.

На секунды мне кажется, что сейчас все как раньше. Он, я... мы рядом. Вместе. Антураж только другой.

Упираюсь носом в его грудь. Всхлипываю. Не хочу плакать. Не хочу при нем плакать!

– Олег...

Меня колотит. Прикосновения обжигают. Мне хочется ответить на каждое, так хочется. Внутри все переворачивается, каждый орган ножом полосуют. Но кем я буду, если это сделаю?

У него жена, ребенок... Да даже не в них дело. Уже давно не в них.

Упираюсь ладонями в крепкие плечи. Сглатываю.

Олег ошалело смотрит в мои глаза. Его черные радужки таят в себя столько недосказанности. И словно... раскаяния. Может быть, он правда сожалеет? Каждый имеет право на ошибку, и на прощение – тоже...

На секунду отвечаю на его поцелуй. Закрываю глаза. Голову кружит аромат его тела. Родной, близкий, до ломоты в костях.

А если все может быть по-другому....

Придумываю. Снова придумываю.

Резко отстраняюсь. Разрываю наш поцелуй. Прячу взгляд. Нужно смотреть куда угодно, но только не на него.

– Оля, я же не хотел... понимаешь, ничего не хотел...

Его губы снова на моем подбородке. Руки крепко стискивают тело.

– Не мог, просто не мог поступить иначе. Отец бы мне этого не простил. И тебе не простил... Он бы всех нас уничтожил, слышишь? Я это ради тебя, – снова много мелких поцелуев на щеках, – только ради тебя... родная моя. Любимая девочка.

– Ты врешь, – шепчу. – Ты снова врешь. Я все знаю, про всех знаю! – повышаю голос.

Сама не замечаю, что кричу.

Олег, кажется, тоже удивлен. За все время наших отношений я, наверное, ни разу не повысила на него голос. Он мог, а я молчала. Всегда молчала...

– Оль, – его губы приоткрываются, – ты что? – трогает мои волосы. – Все в порядке, все в порядке, – повторяет. Разговаривает со мной как с психопаткой. – Тебе просто нужно успокоиться, – тянется ко мне.

– Не трогай.

– Оля, что ты такое говоришь? Как, как я могу тебя не трогать? Я же люблю, – шепотом, – всегда тебя любил.

– И поэтому изменял?

Всхлипываю. Снова плохо вижу. Снова слезы. Предательская, мерзкая вода!

– Ты поверила им, а не мне. Олька... ответь, – качает головой, – ты хоть немного меня любила?

– Что?

Всматриваюсь в его лицо. Там сожаление. Боль. Даже глаза влажные.

Нет, там не может такого быть. Это маска, притворство. Я ему не верю.

– Твоя подружка, да? Рита, она всегда меня недолюбливала, – ухмыляется, только без тени улыбки. Скорее, это ухмылка-сожаление. – Брат мой, наверное, да?

– Какая разница? Вера же как-то забеременела, не от святого духа, Олег... Так что не говори мне про «не изменял».

– Была только ты, Оля. Жаль, что ты мне не веришь... А Вера... Вера давно хотела замуж. Постоянно крутилась где-то рядом. Она напоила меня какой-то дрянью и... Это уже не важно. Ничего не важно.

Заламываю пальцы. Смотрю в его спину. Меня до сих пор колотит, даже в глазах темнеет. Давление, наверное, поднялось. Что неудивительно после такого...

– Я же просто не хотел ломать твою жизнь, – продолжает. – Ты знаешь, какой у меня отец... А Веркин... Они бы тебя просто уничтожили. Понимаешь?

– А приглашение? – кусаю губы.

– Это Вера, решила поиздеваться. Я только через несколько дней узнал, что... Не важно. Ничего уже не важно. Я пойду. Звони, если будет нужна помощь.

Он делает шаг в прихожую.

Еще минута, и уйдет. Хотя какая минута? Меньше.

А если он говорит правду? Если все так и было?

Но у него жена, ребенок... Что мне делать?

Всхлипываю. Закрываю лицо ладонями.

– Не плачь, – его руки снова на мне. Гладят, губы целуют лицо. – Не плачь, моя девочка. Слышишь? У нас все будет хорошо... Все будет. Нужно только подождать.

Он говорит что-то еще. То тихо, то эмоционально. А у меня душа наизнанку выворачивается. Зачем он так со мной? Зачем?

Разве когда человек любит, то поступает так, как это сделал он? Вычеркивает из своей жизни без объяснений?

Нет. Конечно же нет.

Упираюсь ладонями в его грудь. Дышу часто, отрывисто.

Нужно просто собраться с духом. Собрать всю волю в кулак и послать его куда подальше...

Он мне не нужен. После всего, после жены... каких-то глупых оправданий.

– Уходи, – шепчу, – уходи! – повышаю голос. Снова кричу.

Отталкиваю его от себя.

– Оля...

Олег пытается меня удержать. Наша потасовка в дверях приводит к тому, что я ударяюсь плечом о косяк. Так больно, искры из глаз. Но лучше физическая боль, лучше она...

Проскальзываю под его рукой, пока он теряет ориентацию из-за моего удара, и бегу в ванную. Закрываюсь на защелку

и прилипаю спиной к двери.

– Оля, открой.

– Уходи, Олег. Просто уйди.

Меня трясет. Пространство вокруг становится узким. Его так мало. Голова кружится, мне кажется, еще немного, и я просто потеряю сознание. Сползаю на пол, падая лицом в ладони. Плачу.

Громко, так громко, что, наверное, слышат соседи.

– Пошел вон отсюда.

– Открой, давай поговорим. Ты злишься, я знаю, милая...

– Уходи, просто уйди отсюда!

Кричу. Сама не узнаю свой голос. Он холодный, в нем так много агрессии и боли...

– Тебе просто нужно успокоиться...

Олег шебуршит за дверью, но после долгих минут ожидания ретируется. Бросает напоследок, что зайдет потом.

Я не выхожу из ванной сразу, как только хлопает дверь.

Сижу там еще минут двадцать.

Мне так страшно. Страшно выйти из своего укрытия, страшно снова с ним встретиться.

Он же почти меня сломал. Своими словами, прикосновениями. Я почти ему поверила...

Открываю воду. Сначала наблюдаю, как прозрачная струя бьет о белоснежную раковину, и только потом умываюсь. Избавляюсь от слез и долго смотрю на себя в зеркало.

Красные глаза. Потухшие.

Трогаю губы. Он меня целовал. С напором, совсем как раньше.

Только вот в голове почему-то другие губы и другие прикосновения. Еле ощутимые, но пробирающие до глубины души...

На кухне темно. Ветер щекочет голые плечи. Тайка курит в открытое настежь окно.

Отрицательно качаю головой на ее предложение сделать затяжку. Я из тех, кто покончил с этой дурной привычкой, даже не начиная.

– Пепельница, – треплю ее короткие волосы.

– Тоже мне зожник, – тычет меня локтем в бок, а сама хихикает.

Отвожу взгляд в сторону. Небо сегодня чистое. Звезды видно. Жаль, луны нет, настроение как раз, чтобы попить.

– Какие бабы все-таки дуры, – упираюсь кулаком в подоконник.

Тая улыбается. Страхивает пепел в какую-то баночку и медленно разворачивается ко мне лицом.

– Опять твоя блаженная? – вздыхает. – А я все думаю, чего ты ко мне посреди ночи приперся, не на сутках же даже.

– Прости, что разбудил.

– О-о-о, за это ты уже извинился, и не раз. И совсем в другой плоскости, – смеется. Тайкин мягкий смех как-то со-

гревает, что ли. Смотрю на нее, и жить легче становится.

Все у нее просто. Никаких заморочек. Никакой грязи.

Легкая девочка с большой мечтой. Сколько мы с ней знакомы? Лет пять, шесть? Пересеклись на какой-то тусовке. Даже встречаться пробовали. Не зашло.

Остались друзьями. Нет, в кровати, конечно, периодически встречаемся, но только в момент, когда у нее нет серьезных отношений.

– Расскажешь, что случилось?

– Нет.

Вдаваться в подробности не хочется. Да и не надо оно ей.

– Ну, если созрешь, мои уши и язык всегда в твоем распоряжении. Я и выслушаю, и совет подкину, – подмигивает и, юркнув под моей рукой, идет к столу. Наливает в стакан воды. – Может, поедим, кстати?

– Выбирай, закажу, – киваю на свой телефон.

– Это я быстро, – забирает смартфон, но даже с блокировки не снимает. Зависает на пару секунд, смотрит на меня как на неведомую зверушку.

– Опять колдуешь?

– Тебя заколдуешь, пожалуй. Я просто думаю, что тебе нужно ей сказать.

– О чем?

– Признаться, – взмахивает руками, – балда. Сказать, что она тебе всегда нравилась. Что ты в нее со школы по уши влюблен. Она оценит, девочки такое любят.

– Только не эта.

– Все так плохо?

– Ну, если то, что она снова спуталась с моим братом, считается, то да.

– Жесть. Блин, да простит меня прекрасная Алла Дмитриевна, но твой брат – полное дерьмище. У твоей девочки абсолютно нет мозгов.

– Уйми свой пирсингованный язык.

– И не суй свой милый нос не в свое дело?

– Правильно мыслишь, – сажусь на стул у холодильника.

Тайка треплет свои короткие темные волосы и, высунув кончик языка с небольшой штангой, утыкается в телефон.

Я же думаю о том, какой я баран. Снова повелся. Цветы эти купил...

Нужны ей эти цветы и я сам, как собаке пятая нога.

– Мордашку подставь, – щебечет Тайка, – оплату проведу.

Поворачиваю голову в сторону телефона, чтобы сработал фейс-айди.

– Мерси. Говорят, через тридцать пять минут привезут нашу пиццу.

– Нормально. Может, еще разок? – кошусь в сторону спальни.

– Лень, – морщит нос. – И вообще, у меня сегодня был релакс-день, который я хотела посвятить чисто себе.

– Не вовремя я приперся, да? – улыбаюсь.

– Ваще.

- В душ схожу. Дверь сама не открывай, если раньше привезут. Позови.
- Параноик.
- Язва.

Закрываю дверь в ванной. Воду намеренно делаю похолоднее. Мысли проветрить не поможет, но достаточно того, что будет дискомфортно. Это сейчас то, что нужно.

– Кир, ты здесь уже минут двадцать стоишь, губы синие. Там в дверь звонят, ты просил...

– Сейчас открою. Полотенце подай.

Тая снимает с крючка черное махровое полотенце. Отдает на вытянутой руке, так и стоит в дверях.

– Спасибо, – обматываю ткань вокруг бедер.

Дверь открываю с мокрой головой, в одном полотенце. Когда курьер уходит, оставляю ему на чай, все через то же приложение доставки.

– На свою пиццу, – вручаю Тайке коробку.

– Ты будешь? Кофе сейчас сделаю. Боже, как она пахнет.

– С морепродуктами, что ли? – поддеваю лепешку пальцем.

– Прости, я забыла, что у тебя аллергия.

– Ты самая заботливая женщина в мире.

– Ой, иди ты. У меня есть борщ, будешь?

– Валяй.

– Кир... – Тайка ошарашенно смотрит на мой телефон,

который я кинул на стол. – Тут это...

– Чего? – подхожу ближе.

Телефон на бесшумном. Не издает ни звука, только на экране высвечивается короткая надпись: «Брат». Вот это входящий вызов среди ночи.

– Не бери! – верещит Тайка. – Пошел он. Какую-нибудь гадость скажет...

– Ш-ш-ш, – прикладываю телефон к уху. – Внимательно.

– Ты дома?

– Не совсем. А что хотел?

– Матери плохо. На скорой увезли.

Твою...

– Сейчас приеду. Номер больницы говори.

– Халат, молодой человек...

Медсестра орет мне вслед. Торможу, резко развернувшись, возвращаюсь и забираю из ее рук белую тряпку. Набрасываю на плечи.

Теперь уже ускоряю шаг. Длинный коридор с белыми стенами, от которого подташнивает. Но еще больше тошнит от маячащей у палаты морды брата. Так и хочется вмазать по этой физиономии. За Ольку и маму, что весь день тусила у плиты ради этого идиота. А вот он итог...

Олег замечает меня первым. Кивает за плечо отцу, с которым о чем-то говорит.

– Что с ней? – смотрю на них в упор, сначала на одного, потом на второго.

– Давление, – отвечает отец.

– Можно? – вопросительно цепляюсь взглядом за дверь.

– Пока нет, у нее медсестра, капельницу ставят.

– Ясно, – сажусь на скамейку. Затылок упирается в стену. – Мог бы ресторан снять, – цежу сквозь зубы.

Олег раздувает ноздри, вытягивается весь. На отца пялится. Поддержки, видимо, ищет, но папа, на удивление, молчит.

– Я ей предлагал повара нанять, – бормочет брат. – Она сама от...

– Нужно было не спрашивать, а нанимать, – закатываю глаза, сцепляя руки в замок.

Папа отходит к окну. Решает не лезть совсем. Претензий старшенькому не предъявляет, хотя, уверен, сам же со мной согласен.

– Такой умный ты у нас.

– Не тупее некоторых, – улыбаюсь.

– Хватит, матери и так плохо, еще вы тут собачитесь.

Папа прерывает нашу перепалку. Уничтожающе смотрит на брата, который быстро затыкается. Потом на меня.

Меня так просто не заткнешь, поэтому я продолжаю:

– Раз уж ты у нас такой ковбой, мог бы не только о себе думать. Кто вообще празднует тридцатиоднолетие? У тебя юбилей, что ли? В следующий раз бутылку пива за гаражами

выпей, а не устраивай этот выпендрёж. Мать вон целее будет.

– Кирилл, – отец давит голосом, каждая нотка – отдельное произведение искусства. – Прекращай.

– А я не прав? Возишься с ним как с пятиклашкой.

– Я смотрю, у кого-то зависть? Не можешь простить мне свои неудачи на работе?

– Ты-то тут при чем? – поднимаюсь с места. – Закройся лучше, удачливый.

– Олег, – батя снова его одергивает. – Езжай домой, к семье, Вера там переживает.

Брат сжимает и разжимает кулаки. Быстро фиксирую этот жест взглядом. Очень хочется, чтобы он спровоцировал, но он, конечно, этого не сделает. Так, мускулами играет.

– Ладно, ты прав, пап. Я поеду. К семье, – последнее слово явно адресует мне.

Этот умник почему-то считает, что меня этот факт задевает.

Олег сваливает. Отец опускается на скамейку. Качает головой, слегка надавливая пальцами на переносицу.

– Хватит устраивать эти показательные разборки.

– Да ладно, ты же кайфуешь, когда команду «фу» ему даешь.

– Упиваешься тем, что независимый? Я же тебе не враг, Кирилл.

– Ты мне тоже.

– Олег – твой брат. Ты же сам его провоцируешь.

– Чем? Тем, что он вынужден плясать под твою дудку, потому что хочет жить в шоколаде? А я, дай-ка угадаю, этого не делаю?! Ну так ты сам меня так воспитал.

– Как?

– Иметь свое мнение.

– Ты неисправим.

– Ты тоже.

Дверь в палату открывается. Медсестра вздрагивает, видимо, не ожидала что мы до сих пор тут.

– Пройти можем? – спрашиваю, глядя в морщинистое женское лицо.

– Ненадолго.

– Спасибо.

В палату захожу первым. Мама лежит с прикрытыми глазами. Услышав шаги, медленно поворачивает голову в нашу сторону.

– Привет, – сажусь на стул рядом. – Ты как?

– Хорошо. Все это просто недоразумение.

– Ага, как же...

– Кирилл, – пресекает отец, и вот теперь я затыкаюсь. Не хочется расстраивать маму сейчас. Ей и так погано.

– Алла, ты отдыхай, набирайся сил и, главное, не волнуйся. Я завтра заеду, утром и вечером тоже.

Папа склоняется над мамой. Целует тыльную сторону ее ладони, сжимает в своей огромной руке ее пальцы.

От этой картинки становится еще хуже. Нет, я всегда гор-

дился отношениями своих родителей, они друг друга любят. Просто на фоне последних событий вся эта романтическая чушь... Подташнивает, короче.

– Я поеду. Постараюсь завтра заглянуть, мам.

Она кивает. Улыбается. Касается моего предплечья.

Из больнички еду домой. Прохожу мимо Олькиного подъезда. В горле встает ком из желчи и собственных нереализованных фантазий.

Такой бред. Все это настоящий бред.

Свет в окнах больше не горит. Хотя четыре утра почти, какой свет?

Дома кормлю кота и заваливаюсь спать. Холи, как слон, взгромождается мне на грудь. Мурлычет.

– Свали, – сгоняю его с себя, но буквально через пару секунд он возвращается. Топчется лапами, слегка выпуская когти, и снова укладывается клубком мне на грудь.

Да и черт с тобой. Спи.

Утром подъем по будильнику. В шесть десять. Пробежка, душ, завтрак.

На работу к восьми. Текущих дел особой важности сейчас нет, как и начальства. Всех наверх вызвали. Поэтому до обеда отдел, можно сказать, без трехглавого змея будет.

Чем не повод поспать на час дольше? Так я думаю, возвращаясь из парка, что возле дома. Взмок. Стираю со лба пот и делаю жадный глоток воды из бутылки.

Сворачиваю во двор и почти сразу налетаю на Ольку. Она вздрагивает и роняет кейс с наушниками.

– Привет, – хлопает глазами, поправляя повязку на лбу. Тоже бегают, что ли?

Киваю. Поднимаю с земли ее наушники. Отдаю, стараясь не прикоснуться к коже. Так же аккуратно обхожу ее стороной. Не хочу на нее смотреть. Хотя уже на рефлексх выхватываю взглядом и леггинсы, которые обтянули стройные ноги, и лицо без грамма косметики. Губы...

Черт бы ее побрал!

– Кирилл, – оборачивается мне вслед, – у тебя все в порядке?

– Более чем, – набрасываю на голову капюшон и, ускорив шаг, иду к подъезду.

Настроение снова роняет планку. Походу, пора завязывать бегать.

"Если он уйдет, я сбегу и запрусь дома на все замки.

Может, даже в ванной забаррикадируюсь, для надежности". (с) Оля

– Хорошего дня, – кричу Кириллу вслед, но он не реагирует. Просто уходит.

Это задевает. Сразу хочется вернуться домой. Идея с пробежкой кажется бредом.

Я и так выползла на улицу с большим усилием. Всю ночь практически не спала, да и как тут вообще уснуть? После произошедшего...

Мне все время казалось, что Олег вот-вот вернется и снова затянет в этот замкнутый круг, где я по своей воле прожила целых девять лет. Семь с ним, два в скитаниях и одиночестве.

Было так страшно поддаться чувству, что никак не затыкается внутри. Такой тонкий, жалобный скулеж. Глупая вера в «а вдруг...». Я же чувствовала ее, когда он был рядом. Каждый закуток души воспарил в эти секунды. Правда, потом меня быстро прихлопнуло бетонной плитой. Так, что дышать стало невозможно.

Олег продолжал стоять рядом, что-то шептать, а я... я ду-

мала о его жене. В ту самую минуту я была одной из тех многих девушек, с которыми он ей изменяет. Мозг еще долго сопротивлялся, не хотел это признавать, оттягивал момент и детально погружал в прошлое. Именно в те его промежутки, где нам с Олегом было хорошо, где я безоговорочно верила, что он любит меня.

Если бы не ванная, боже, это маленькое помещение стало спасением. Не уверена, что выдержала бы напор бывшего напрямую. Он бы меня дожал. Заговорил милыми глупостями, извинениями и оправданиями.

Поэтому, лежа в постели, я старалась делать акцент на тех ужасных вещах, которые произошли со мной из-за него. Детально представляла сцены его немалочисленных измен... и даже попускало. Только хотя бы задремать все равно не удавалось.

Мозг не хотел отключаться. Работал в штатном режиме, анализировал. Прокручивающиеся мысли подкрепляли это бодрствование. Когда лежать и пялиться в потолок стало совсем невыносимо, я пошла на кухню. Снова вскипятила чайник и все-таки съела ту конфету. Потом еще одну и еще.

Когда я дожевала восьмую по счету конфету, в голове всплыла ненависть к себе. Столько калорий на ночь.

Пришлось тащить из спальни весы. Только окончательно поехавшие люди будут взвешиваться в пять утра, а потом рыдать из-за наеденных за последний месяц пары килограмм. Раньше со мной такого не было, но с недавних пор я начала

заедать стресс. И цифры на весах это лишь подтверждают.

Именно поэтому я и здесь. В холодном парке ранним утром.

Когда у тебя нет плана действий по выходу из глобальных проблем, стоит начать решать локальные. Такие как три наеденных кило жира.

Только вот после встречи с Киром почему-то снова захотелось засунуть в рот какую-нибудь гадость вроде бургера, а не бежать по кругу несколько километров.

В итоге я просто походила по парку, умилилась небольшим собакам, которые вытащили своих хозяев на улицу в такую рань, и вернулась домой. Переоделась, замазала круги под глазами и выдвинулась к родителям.

Мама ждала меня на терраске и резала яблоки. В этом году много уродилось. Она уже и варенье, и компотов наварила, теперь, видимо, до финального этапа добралась – сушит.

– Привет, – взмахивая рукой и бросаю рюкзак на диванчик у стола.

– Привет. Ты рано, – смотрит на часы.

– Не спится.

– Так, я сейчас уже закончу. Есть будешь?

Отрицательно качаю головой и осматриваю терраску. За время моего отсутствия родители переехали из квартиры в загородный дом. Обустроили его лишь наполовину, когда с папой случилась беда. Никто подумать не мог, что у него возникнут проблемы с сердцем вплоть до операции по пересад-

ке.

– Я посмотрю, – киваю на дверь в сам дом.

Мама смотрит на меня немного изумленно.

– Прости, я же первый раз здесь.

И это чистая правда, за два года я ни разу не приехала. Когда с отцом случилась беда, он лежал в Москве, операцию ему делали там же, поэтому приезжать сюда необходимости не было. Они и сами месяц назад только вернулись.

Мама взяла отпуск, правда, дольше четырех недель ей не дали. Она и так за последние полгода очень часто брала отгулы, постоянно везде моталась с отцом.

После операции папа чувствовал себя хорошо, пока был в больнице. А вот дома все кардинально изменилось. И дело даже не столько в его самочувствии, сколько в настрое. Он провалился в депрессию. Ничего не хочет, ест через силу, на улицу, на лавке посидеть – только опираясь на мамино плечо. Боится, что если пойдет сам, то непременно упадет...

Хотя врачи говорили, что сердце прижилось. Ни о каких нагрузках речи не велось, но папин организм в целом функционирует довольно неплохо. Не отторгает инородный орган.

Переступаю порог, медленно стягиваю куртку с плеч и иду в шкаф. Дома пахнет лекарствами.

Заглядываю на кухню. В гостиную. В доме сделан легкий косметический ремонт, без излишеств. В нашей прошлой квартире был шикарный дизайнерский ремонт, тут же пока

очень непривычно. Нет ощущения, что это жилье моих родителей.

В зале только большой угловой диван, висящая на стене плазма и стеклянный столик. А еще зона для хранения, квадратные полки открытого типа.

На кухне просторно и очень уютно. Сюда почти вся мебель перевезена из старого жилья. Итальянский гарнитур, который мы выбирали вместе с мамой и чьей доставки ждали больше двух месяцев.

Отец служил в воинской части. Был заместителем командира по тылу. Не думаю, что мы жили исключительно на его зарплату. Его попросили уйти, отправили в отставку очень быстро. Не знаю, что конкретно там произошло, но ходили слухи, что могли и дело уголовное завести...

– Оля, ты? – слышу слабый голос из спальни и толкаю дверь.

– Привет, пап, – улыбаюсь и сажусь на стул рядом с кроватью.

– У тебя яркие духи, – улыбается в ответ, а я смущаюсь. Сразу хочется помыться. Вдруг ему противопоказаны резкие запахи?

Хотя мой фужерный парфюм с натяжкой можно назвать резким.

– Тебе это не мешает? – все же спрашиваю.

– Нет, что ты, дочка. Как ты?

– Все хорошо. Завтра вот еще одно собеседование.

– А живешь почему не у нас? Только деньги же тратишь...

– Пап, от вас до города полтора часа ехать. Каждый день так мотаться...

– Ну это верно.

Отец вздыхает, поправляет подушку, на которую откинулся спиной.

– Так, я уехала, – в комнату заглядывает мама, – если что, звоните.

– Хорошо, – машу ей рукой, а папа демонстративно отворачивается.

Я сразу заметила что-то не то, теперь ясно... поругались.

Вообще, отец сложный человек, а сейчас так и подавно. В этом я убеждаюсь за день, проведенный здесь.

Папа постоянно говорит о том, что зря согласился на операцию. Сколько бы прожил, столько бы и прожил. Ему не нравится новая жизнь, все эти запреты от врачей. Раздражает мама, которая трясется над ним, как наседка. Хотя, когда она возвращается с работы, я замечаю, что вовсе она не наседка. Это отец дергает ее по любому поводу. Подушку поправить, одеяло...

Он постоянно недоволен, ему все не так.

Я наблюдаю за этим пару часов, и мне становится ее искренне жаль. Она с ним не спорит, но на лице все написано. Ее молчание подкреплено лишь тем, что отцу нельзя волноваться.

– Может, чаю попьем? – мама смотрит на меня, прижав-

шись виском к косяку. Стоит в кухонном дверном проеме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.